

Ничья земля

Ян М. Валетов

Ничья земля

«Автор»

2007

Валетов Я. М.

Ничья земля / Я. М. Валетов — «Автор», 2007 — (Ничья земля)

Мир, в котором рухнули плотины и миллионы, людей расстались с жизнью за несколько дней... Зона бедствия, зараженная на сотни лет вперед, в которой не действуют ни законы природы, ни человеческие законы. Бывшая Украина, разодранная на части Западной Конфедерацией и Российской империей. Тюрьма для инакомыслящих и уголовников, полигон для бесчеловечных экспериментов над людьми, перевалочный пункт для торговцев оружием и наркотиками, поле битвы между спецслужбами разных стран, буферная зона между Востоком и Западом, охраняемая войсками ООН, минными полями и тысячами километров колючей проволоки. Эта отравленная, кровоточащая земля – родина для многих тысяч выживших в катастрофе. Родина, которую они готовы защищать до последнего вздоха. Это единственный дом отважных людей, давно умерших для всего остального мира. Их земля. Ничья земля...

© Валетов Я. М., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ян Валетов

Ничья земля

*Делай, что должен,
свершится, что суждено.*

Марк Аврелий

*Выбрав из двух зол меньшее,
не забывай, что ты выбрал зло.*

Абу Шломо

*Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ
Смотрели из травы.*

Николай Заболоцкий

Глава 1

К запаху пожухшей травы отчетливо примешивался запах солярки. Осенний, уже слегка подмороженный утренними холодами лес давал ему возможность отделить один запах от другого. Летом это было бы невозможно.

На несколько мгновений Михаил замер и сделал знак Молчуну – не двигаться. Малец, даром что действительно малец – только пятнадцать исполнилось, отреагировал как положено. Его уже поднятая для следующего шага нога зависла в воздухе и медленно, осторожно опустилась на плотный, коричнево-желтый ковер из палых, мокрых листьев – ни шороха, ни хруста.

Да, точно солярка... С дуновением ветерка, пробежавшего промеж осин, Михаил уловил и третий резкий запах – запах смерти. Пахло горелым. Нехорошо пахло. Еще несколько секунд он раздумывал – идти ли вперед, к прогалине, уже видимой впереди, или все-таки свернуть, обойти опасное место, но почти сразу решил идти. Больно уж не хотелось спускаться в овраг, раскинувшийся слева. Глубокий, кстати, овраг, заболоченный и явно с сюрпризами. А справа эту опушку не обойдешь никак.

Он прислушался.

Только ветер. Даже галки не кричат.

По прямой до точки randеву километра четыре. От силы – четыре с половиной. Можно, конечно, свериться по GPS, но он не хотел окончательно посадить батарейки. В запасе оставался только один комплект, а дорогу он, в общем-то, знал как свои пять пальцев.

Молчун замер рядом, как охотничий пес в стойке. Настороженный, взъерошенный, готовый броситься вперед по команде. Хороший парень. Правильный. Со всеми шансами выжить. Если Бог поможет, конечно. Пока помогал, а дальше – видно будет.

Михаил привычным движением поправил лямки рюкзака, снял автомат с плеча и жестом обозначил направление движения. Бегом они пересекли лощину, взбежали на пагорб и залегли в редком орешнике, огораживающем опушку, словно палисад.

Нюх или, вернее сказать, чутье его не подвели.

Вчера вечером здесь было жарко.

Одна БМП стояла, задрав к небу тупую морду, опираясь на корму – передние колеса зависли в воздухе. Вторая почти успела доехать до леса – метров двадцать не хватило, перева-лила через небольшой пригорок и схлопотала ракету в двигательный отсек. По желтой траве разбегались чернильными пятнами черные следы сгоревшей дизельки.

Со своей точки Михаил видел отчетливо четыре тела.

Первый покойник лежал совсем недалеко – метров тридцать, тридцать пять, показывая им стоптанные подошвы армейских полусапог. Рядом с ним валялся автомат – приклад вид-нелся возле локтя лежащего. Он и после смерти не выпустил ремень АК.

«Значит, кончала их не пехота, – подумал Михаил. – Иначе бы снаряжение собрали. Кон-федератам оно и так нужно позарез, а у ооновцев приказ такой есть – ничего на поле боя не оставлять, дабы не вооружать конфедератов и незаконные формирования в „ничейке“. Верто-леты?»

Он достал бинокль и через несколько секунд убедился, что был прав в своих предполо-жениях. Следы, похожие на змеиные, были видны и без бинокля – если знать, что и где искать.

Две тяжелые бронированные машины, свернув с дороги, мчались, виляя, через поле, пытаясь достичь леса, на ходу отстреливаясь от атакующих с минимальной высоты вертолетов. Но не успели.

Он явственно представил себе момент атаки – шум дизелей, свист турбин, монотонное чавканье винтов «чопперов», автоматную трескотню и сливающийся в сплошной надсадный грохот рев навесных вертолетных «шестистволоков». Потом воздух разорвали ракеты.

Разбегающихся весело расстреливали из станковых пулеметов через проемы дверей. Повисели, разгоняя винтами холодный воздух и водяную пыль, над чадающими жирным черным дымом машинами для верности минут пять и ушли к реке – довольные проведенной операцией. Пить пиво, трахать боевых подруг и наслаждаться жизнью. Обычная боевая операция на «ничейной» полосе. В «буферной зоне». В «карантине». В «полосе отчуждения». Кто как называл. И с какой целью называл.

Конфедераты любили нейтрально-стыдливое – «карантин». Ооновцы без стеснения называли эту почти стокилометровую в ширину и семисоткилометровую в длину полосу, протянувшуюся от Киева до Одессы, «буферной зоной». Россияне – «нейтралкой», «зелёнкой» или «ничейной землей».

Это первый год после Потопа журналисты придумывали красивые названия – «зона смерти», «адская кухня» и еще чего покруче. А потом...

К любой новости привыкают. Привыкли и к этой. Хотя, как можно привыкнуть к тому, что на месте городов и сел теперь могильник, Михаил слабо себе представлял.

Никто не знал, сколько людей погибло во время потопа. В любом случае – пятнадцать миллионов, как объявило ООН, или семнадцать миллионов человек, как говорили некоторые специалисты, – цифра была одинаково страшной. Одно время число погибших пытались подсчитать, но из этого ничего не получилось. А когда начались основные события – стало просто не до того.

«Зона совместного влияния» – выдумали же названьице! Когда на второй месяц после событий прекратили прием беженцев и начали городить «колючку» и пропускные пункты на востоке, никто не мог сообразить, что, собственно говоря, произошло. Коммуникации не работали – связь, телевидение и радио никто и не налаживал. У военных была своя, а всем остальным, если честно, было не до связи. Жара стояла страшная, трупы животных и людей гнили буквально повсюду. Ядерное заражение от шести блоков Запорожской АЭС, химическое заражение от химкомбинатов и металлургических заводов, вспышки инфекций, вплоть до чумы и холеры, – забот, мягко говоря, хватало. А тут – конфедераты, с их дохлым тезисом, что сам Господь поделил Украину на Левобережную и Правобережную, Львовский путч ооновцев, Полонянский кризис...

Вдоль нефте- и газопроводов стали стеной российские войска – какое уж тут международное сообщество и его бесполезное мнение, когда речь идет о собственных интересах? Да и мировое сообщество не сильно сопротивлялось, разве что особо оголтелые правозащитные организации – российские ресурсы шли в Европу, а своя рубашка все же ближе к телу, чем чья-то «вышиванка». Тем более что восточные области заявили о создании независимой республики и мгновенно присоединились к России, войдя в состав Федерации как единый член.

– Лихое было времечко, нечего сказать. – Михаил невесело усмехнулся в усы. Он до сих пор помнил те страшные дни безвластия и безвременья. Безвременье кончилось, а вот безвластие...

Безвластие оставалось и поныне, правя бал на просторах Зоны совместного влияния, на двенадцатый год после Потопа. Все привыкли. Никому не было дела до того, что творится в «карантине» – лишь бы не дул оттуда ветер и не шли дожди, приносящие радиоактивную воду или кислоту. И не лезли через «колючку» и минные заграждения аборигены – покрытые язвами, заразные и опасные. Потом потихоньку сюда, в «карантин», начали сливать свои человеческие «отбросы», что с востока, что с запада – больно уж удобно было избавляться от недовольных и преступников таким дешевым и доступным способом – и «карантин» стал тем, чем был сейчас. Ничьей землей, где действовал один закон – закон силы. И цель у живущих здесь была одна – выжить.

У тех, кого сейчас в бинокль рассматривал Михаил Сергеев, выжить не получилось. Сложно выжить на открытой местности, когда в атаку на тебя заходят бронированные туши

боевых вертолетов. Такие операции называют зачисткой Зоны совместного влияния от незаконных бандитских формирований. Как будто бы бандитские формирования бывают законными, ей-богу! На деле же «чистили» все, что попадалось под руку. Рисковать никому не хотелось, да и развлечение при нудной охранной службе какое-никакое. Безнаказанность развращает, что ни говори. Рубежи, особенно последние два года, охранялись из рук вон плохо, несмотря на изобилие электронных систем. Сергеев, который минимум раз в два месяца переходил нелегально то восточную, то западную границу, знал это наверняка. Зато стрелять по движущимся мишеням местный контингент научился здорово.

Кто «порезвился» здесь вчера, можно было только догадываться. БМП были без опознавательных знаков. Расстрелять их могли и ооновцы, и россияне, и конфедераты. Потенциально он мог назвать еще как минимум десяток вероятных виновников вчерашних событий, но для начала им надо было где-то раздобыть вертолеты.

Михаил был далек от того, чтобы жалеть погибших – на невинных овечек они не смахивали. Скорее всего, ребята были из банды атамана Супруна – гулял здесь такой уже года три и весело гулял, надо сказать, с размахом и молодецкой удалью. Лил кровушку, жировал на военных складах, вешал мародеров и философствовал, что твой батька Махно. Не далее, как пару недель назад, именно его ребята обложили Сергеева и Молчуна в Кременчуге, плотно так обложили, умеючи. Но не знали на кого нарвались. Там и полегли, все пятеро – они, кажется, называют такую пятерку в свободном поиске – «гуртом». А пятый, как оказалось, сам «пан гуртовой», долго рассказывал все, что знал и не знал, с ужасом глядя в спокойное лицо Молчуна, сидевшего перед ним на корточках. Не зря боялся. У Молчуна к ним особый счет. Какой – Молчун не говорил. Он вообще ничего не говорил. Слышать – слышал, и неплохо слышал, как летучая мышь. А говорить – не говорил. Никогда.

Сначала Михаил думал, что парень просто не хочет этого делать. Были такие секты на Севере – там давали обеты молчания, а нарушившим обет для острастки отрезали языки. Но язык у Молчуна был на месте, на фанатика, выращенного истинной церковью или капищем, он не походил, а вот говорить отказывался.

За прошедшие полгода Сергеев привык к парню, как к родному, привязался к нему и надеялся, что Молчун платит ему тем же. Тем более что платить было за что – не подоспей тогда вовремя Сергеев, и следа бы не осталось от мальчишки. Трясина была серьезная – что из того, что с виду – просто большая лужа на окраине Борисполя.

Молчуна загнала туда стая бродячих собак. Они стали настоящим бедствием для путников, путешествующих в одиночку или небольшими компаниями. Людей они не боялись совсем, а свирепостью и кровожадностью не уступали волкам. Только вот умом, хитростью и численностью их многократно превосходили.

Проходя мимо разрушенной церкви с единственным уцелевшим куполом, торчавшим над полуразваленными стенами гнилой луковицей, Сергеев слышал выстрелы – стреляли экономно, короткими очередями и одиночными. Потом стрелявший дал очередь длинную, на полрожка, и замолк. Опыт – сын ошибок трудных – говорил Сергееву о том, что соваться туда, где стреляют, не следует. Но опыт опытом, а ноги сами понесли Михаила по тропке между двумя обветшалыми складами, ошетилившимися ржавой гнутой арматурой, – там, где стреляли, находился человек. И, скорее всего, этот человек был в беде.

Потом он услышал собачий визг, даже не визг – скулеж и многоголосое рычание. Впереди была стая, и, если судить по звукам, немалая. Благоразумнее было бы остановиться, не лезть в неизвестность, через разросшиеся в два человеческих роста заросли амброзии и пыльного лопуха. Стая – это стая. Коллективный разум – кровожадный, безжалостный, хорошо организованный. Собачий спецназ в мундирах из сваливающейся шерсти. Автомат против них – не лучший вариант защиты. На такие случаи у Сергеева был припасен обрез охотничьего ружья – выдавшей виды тульской «вертикалки», снаряженный картечью. Страшное оружие

ближнего боя, которое Сергеев таскал в самодельной кобуре на левом боку уже три с лишним года после того, как его едва не загрызли такие вот «спецназовцы», в брошенном селе, на подходе к «колючке». На память об этом остался шрам от рваной раны на ноге и длинный белесый шрам на предплечье, там, где клыки жоака, одичавшего ротвейлера, вспороли кожу. И страх тоже остался.

То, что он увидел на прогалине, за которой открывалась бывшая проселочная дорога, теперь напоминавшая замусоренное русло полупересохшей реки, заросшее по обочинам сочной и крепкой камышовой порослью, неожиданностью не было.

Стая, голов в двадцать, доедала собственных раненых. Тот, кто отстреливался, а Сергеев его пока не видел, стрелять умел. Собаки, рыча и огрызаясь друг на друга, рвали на части огромного все еще живого дога – настоящего богатыря серо-стального цвета. Дог пытался приподняться, но, раненый и истерзанный клыками бывших сотоварищей, падал. Неуклюже падал, на бок, как загнанная лошадь, давя стокилограммовой тушей мелких шавок, висевших на нем гроздьями, и тут же опять пытался подняться, с упорством заводной механической игрушки. Но в его плечо вгрызся похожий на медведя кавказец, напивавший грудью и мотавший в исступлении большой круглой головой, а брюхо рвали несколько особей среднего размера. Дог выл, протяжно и жалобно, со смертной тоской, – в горле его, пока еще нетронутым клыками, клокотала кровь.

Судя по кровавым ошметкам, разбросанным там и тут, дог был не первой жертвой. Прямо на Сергеева, волоча за собой перебитые ноги, по глинистой рыжеватой земле полз грязный до неузнаваемости спаниель, бывший домашний любимец. Глаза его были выпучены от страха – он не то чтобы догадывался, он точно знал, что ожидает его в ближайшие несколько минут. Шансов у него не было.

Сергеев осмотрелся, но стрелявшего не увидел, значит, скорее всего, он успел бежать или забрался куда-нибудь, в относительно безопасное место. Вон, метрах в тридцати-сорока, огромный полусухой каштан – чем не убежище, если успеть добежать. Справа от Михаила возвышался наполовину вросший в грунт, проржавевший до дыр, кузов микроавтобуса, похожий на металлический скелет, который тоже мог сойти за место спасения, но в нем явно было пусто. И, только сместившись ближе к разрушенной стене, окончательно потерявшей первоначальный кирпичный цвет под густыми наростами мягкого ползучего мха и пятен склизкой плесени, Сергеев заметил посреди дороги блестящую плешь лужи, обложенную похожими на наваленные в беспорядке ржаные сухари пластами сухой грязи, и какое-то шевеление в ней. Он даже не понял вначале, что за существо копошится в вязкой, как нефть, жиже и, скорее, догадался, что это не собака, а человек, погруженный в трясину по самую макушку. Человек, угодивший в коварную ловушку, так называемую бульку, рядом с которым любое болото казалось безобидным.

«Булькой» окрестили промоины в грунте, заполненные жидкой, сметанной консистенции, грязью, покрытые сверху подсохшей коркой – ненадежной и коварной, лопающейся внезапно, без предварительного потрескивания. Обычно промоины были глубокими – под ними медленно текли ледяные потоки подземных рек, бесстрастно принимавшие в себя тела угодивших в грязевой мешок людей или животных. День или два – тело жертвы медленно погружалось в земляную пасту, чтобы выпасть падалью в глубинный поток, – а уж там было кому полакомиться подразложившейся плотью. Таких ловушек становилось все больше и больше. Если раньше они встречались лишь в поймах рек и там, где во время потопа воды прокладывали себе путь в глубину, то в последние годы в «бульку» можно было угодить и в безопасных прежде местах.

Башковитый, почесывая покрытую шелушащимися шрамами лучевых ожогов голову, разводил руками и плел что-то про просадку грунтов, жидкий мел в районах русел и перераспределение водяных горизонтов. Но его никто не слушал. В прошлой жизни Башковитый

был профессором геологии, а ныне прихлебателем, мелким воришкой и наркоманом. И калекой к тому же – он был одним из тех, кто вышел из зоны радиоактивного заражения, после взрыва Запорожской АЭС, а таких было немного, очень немного. Но его уникальная способность выживать, а Сергеев был уверен, что это дается человеку на генетическом уровне, авторитета профессору не добавляла. Никто не слушал покрытого язвами и чирьями полоумного старика, вечно болтающего черт знает что под кайфом. А старику было чуть за пятьдесят – сам Сергеев через пару лет готовился разменять шестой десяток и старым себя не считал. Скорее всего, дело было в том, что никого не интересовало научное объяснение природы «булек». Это никак не могло помочь выжить тому, кто в них попадал.

И тому существу, которое на глазах у Сергеева исчезало в глянцево поблескивающей жиже, было в высшей степени наплевать, что оно проваливается в верхнюю открытую полость карстовой пещеры, наполненной глиняно-меловой суспензией. И самому Михаилу тоже было на это наплевать. Тем более что времени на размышления почти не осталось. Минута, может быть – полторы, не больше. Он решительно расстегнул замок станкового рюкзака и осторожно опустил его на землю, привычно выскользнув из лямок. Все. Поехали.

Сергеев перехватил автомат левой рукой, взял в правую тяжелый огрызок обреза и быстрым шагом вышел из зарослей лопуха, перепрыгнув через ополоумевшего от боли спаниеля.

Десять метров, три секунды до того, как собаки среагируют на опасность. Уложиться надо в две, чтобы не дать им разбежаться.

Не замедляя шага, он поднял обрез и выстрелил в копошащийся косматый клубок с одного ствола. Патрон был снаряжен тяжелой омедненной картечью и накрыл собак смертоносным потоком, убив наповал трех и ранив всех остальных, включая кавказца. Одна картечина, угодив прямо в глаз догу, прервала его мучения, и Сергеев успел подумать, что бедной животине повезло, как никогда не везло в последние годы жизни.

Но раненый кавказец показал, что он настоящий вожак. Михаил никогда не видел, чтобы сотня килограммов живого веса, мышцы, кости, шерсть – ни грамма лишнего жира, взлетала в воздух, разворачиваясь на 180 градусов с грацией падающей кошки. Мгновение – и взгляд Сергеева встретился с взглядом прыгающего пса. Глаза у кавказца были, как у вампира из фильма ужасов, черные, гладкие, как испанские маслины, окруженные красным вислым беспорядком набрякших век. Он не рычал и не лаял, он летел убивать – из распахнутой, залитой кровью растерзанного дога пасти торчали алые клыки.

Уворачиваясь от огромной туши, Сергеев сделал неуклюжее па и с полуоборота, почти в упор, разрядил второй ствол обреза в мохнатый серо-черный бок, усеянный десятками запутавшихся в шерсти репейников. Выстрел почти разорвал кавказца напополам, наполнив воздух омерзительно пахнущей взвесью крови и содержимого собачьего желудка, но у Михаила не было времени праздновать победу. Оставшиеся в живых псы не бросились наутек после смерти вожака, а ринулись в атаку со смертоносной решительностью камикадзе.

Двух рослых дворняг Сергеев скошил одной короткой очередью, но на этом успехи кончились. Небольшая беспородная шавка, похожая на болонку-переростка, с разбегу ударила его сзади под колени, и он, теряя равновесие, упал, перехватывая автомат второй рукой. Падать пришлось спиной вперед, и Сергеев мысленно взмолился, чтобы на земле не оказалось торчащего куска арматуры или еще чего похуже. Но руки он все-таки оставил свободными, чтобы не дать следующему «другу человека» достать до горла. Он с силой выбросил автомат вперед, навстречу летящему псу. Удар пришелся по оскаленной морде – хрустнули зубы, и противник кеглей улетел в сторону – оглушенный и обезоруженный.

Сергеев попытался встать, шипя от боли в ушибленной спине, и, к собственному удивлению, это ему удалось. Он выстрелил в шарахнувшуюся от него с поджатым хвостом рыжую суку, но промазал и резко развернулся вокруг своей оси, разыскивая взглядом следующую цель. На него, стуча мощными короткими лапами по подсохшей глине, как призовой скакун,

неся разъяренный скотчтерьер – черный кудлатый бесстрашный шар. За ним пристроился сбивший его с ног пес. Последние в стае. Испуганная рыжая сука улепетывала прочь, приседая на задние ноги, – ее можно было списать со счетов.

Сергеев чуть присел, выставив ствол впереди себя, и, когда терьер прыгнул, метя в грудь, спустил курок. Пуля ударила собаку в голову, остановив её на лету. Он поймал на мушку болонкоподобного пса и снова выстрелил два раза подряд.

На все про все ушло не более минуты. Сергеев бросил взгляд на поверхность «бульки» и, кинувшись к своему рюкзаку, к карману которого был приторочен моток альпинистского троса, понял, что минута эта может оказаться роковой. На гладкой глине можно было с трудом угадать легкое шевеление, скорее всего последние попытки умирающего набрать глоток воздуха. Двигаясь со всей возможной прытью, он закрепил конец троса вокруг стойки разбитого микроавтобуса и бросился обратно к «булке», на бегу разматывая веревку. Только бы хватило длины троса! Михаил успел сделать петлю вокруг пояса и, швырнув автомат на край лужи, прыгнул, распластавшись, по направлению к неприметным бугоркам, стараясь заскользить по плотной грязи, не особенно в нее погружаясь.

Он почти долетел до цели, шлепнулся животом в пахнущую гнилостной прелью жижу, проехался по ней, чувствуя, как влага проникает под одежду, противно прилипающую к коже, и принялся двумя руками разгребать взвесь на том месте, где несколько секунд назад видел шевеление.

Человек не успел уйти в глубь – почти сразу Сергеев наткнулся на залеplенные грязью волосы и, не церемонясь, вцепился в них мертвой хваткой, стараясь вытащить голову тонущего на поверхность. Слипшиеся пряди земляными червями заскользили между пальцами. Он с усилием погрузил вниз вторую руку, задирая изо всех сил подбородок, чтобы не хлебнуть жижи, нащупал воротник и рывком приподнял лицо человека над грязью, начав погружаться сам. От усилия заболела спина и ушибленный только что копчик. Радовало одно – человек захлебнулся не до конца. Из забитых ноздрей вылетели похожие на колбаски пробки, открылся рот – красный провал на сплошной глиняной маске.

– Не ори и не дергайся, – сказал Сергеев задыхаясь, – как скомандую, будешь пытаться всплыть. Понял?

Человек ничего не говорил, только разевал рот, словно в крике, и отплевывался земляными сгустками.

Не выпуская воротник из рук, Сергеев попробовал перевернуться. Грязь чавкнула, но отпустила. Тогда он, быстро перебирая ногами, развернул корпус на 180 градусов и замер. Теперь надо было выбрать слабинку троса и начать движение к краю «бульки».

– Попробуй высвободить одну руку, – сказал Михаил, чувствуя, как тело человека опять начинает уходить в глубь. – Аккуратно подними одно плечо и попытайся просунуть кисть наверх, поближе к туловищу.

Человек закопошился, пытаясь выполнить команду.

– Только ногами не дергай. Засосет еще больше. Аккуратно.

Михаил несколькими сильными рывками за воротник попытался помочь тонущему выбраться, и, погрузившись от этого в грязь на несколько сантиметров, опять повернулся, не давая «булке» себя притопить.

С третьей попытки на поверхности появилась кисть руки, за которую Сергеев ухватился, как утопающий за соломинку, и тут же обалдел, хотя было не до того – кисть была не мужская. Или женская или детская – слишком хрупкими были пальцы. Потом разберемся!

– За шею, за шею хватай, – сказал Сергеев.

Тонущий так рьяно выполнил просьбу, что у Михаила перехватило дыхание.

– Да не так же! – прохрипел он. – На горло не дави!

Хватка ослабла. Теперь надо было начинать движение к берегу. Сергеев потянул за трос, но с места не сдвинулся, зато его зад затонул в грязи, как торпедированный линкор. Тот или та, кого Сергеев решил спасти, сидел в ловушке крепко – в пору было вспоминать сказку про репку. Вот только сказочных персонажей не было видно в округе, и, наверное, слава богу, что не было. Разные бывают нынче персонажи. И сказки тоже бывают разные.

Чувствуя себя червяком-переростком, Сергеев, почти встав на «мостик», выиграл у трясина несколько сантиметров, но в сравнении с оставшимися до твердой земли двумя метрами достижение не впечатляло. Веревка, соединявшая его с остовом микроавтобуса, натянулась, как струна. В спину стреляло до потемнения в глазах, но Михаил, понимая, что, ослабив напор, потеряет свой эфемерный выигрыш, тянул так, что щелкали суставы.

От грязи тошнотворно пахло задохнувшимся творогом и тлением, и от этого сбивалось и без того неровное дыхание. День был, мягко говоря, не жаркий – конец апреля не баловал особо высокой температурой, а по ночам на почве хозяйничали заморозки, но Сергеев чувствовал, что взмок, как мышь, под плотной коркой, покрывшей тело. Со лба пот лился сплошным потоком, попадая в глаза. Канат резал ладони, а вырваться из смертоносных объятий «бульки» не удавалось.

– Помоги! – прохрипел он, не узнавая собственного голоса. – Двигайся, как змея! Как будто ты ползешь! Ну же! Давай!

Он понял, что уже борется за обе жизни, а не за чужую. А если быть до конца честным – то больше за собственную.

И в этот момент трясина чуть поддалась. Грязь зачавкала, Сергеев судорожно перебирал руками, подтягивая их обоих с одной мыслью – не останавливаться! Не останавливаться, выскочить на край до того момента, как они начнут погружаться снова и «булька» сомкнет челюсти. Он смотрел на трос, связывающий их со стойкой того, что когда-то, в прошлой жизни, было микроавтобусом, натянутый, словно тетива лука. Смотрел на узел, обвивший стойку, на узел, затянутый им в спешке. Смотрел с ужасом, потому что видел, как начал укорачиваться свободный конец троса. Потому что понимал, как мало времени осталось до того момента, как конец веревки, скользнув вовнутрь хитросплетений узла, вырвется на свободу с другой стороны, и она красно-белой змеей упадет на поросшую клочковатой, пыльной травой землю. И это будет конец. Даже если до твердой земли останется полметра – их не преодолеть никогда.

Быстрее. Еще быстрее. Он тянул так, что слышал, как рвутся мышечные волокна в перенапряженных руках. «Булька» не отпускала, стараясь схватить за ноги, придержать за талию, обсосать своим слюнявым коричневым ртом, проглотить. Только бы успеть! Свободный конец каната скрылся в узле. Сергеев рванулся вперед, на изломанный край провала, сухие пласты захрустели под ними, как снежный наст под тяжестью саней. С низким, тихим звуком, похожим на звук басовой гитарной струны, узел развязался, и веревка хлестнула по земле. Но было уже поздно.

«Булька» осталась ни с чем. Сергеев со спасенным незнакомцем на спине, полз по твердой почве, беззвучно крича и срывая ногти о землю. Он рухнул без сил и почти без сознания только тогда, когда между ним и ловушкой было почти два метра. Но, даже падая, нашел глазами место, где бросил автомат. Это был рефлекс. Одна опасность отступила. Но это не значило, что где-то рядом не ждет своего часа другая. Еще более страшная и неотвратимая.

Тогда они долго лежали возле лужи на окраине еще недавно многолюдного города Борисполя, среди зарослей сорняка и жалких развалин, под низким, облачным небом. Таким же, как сейчас. Тяжелым, мутным, выкрашенным садящимся за облачной пеленой солнцем в цвет созревших нарывов.

Тогда вокруг них были трупы собак, а сегодня – в нескольких десятках метров лежали трупы людей. Но и в тот день, и сейчас вокруг пахло смертью. Как ни кошунственно это звучит

– *привычно* пахло смертью. Это был аромат времени. Самый стойкий запах в коллекции запахов последних лет.

В первые месяцы после Потопа запах разложения был так силен, что, казалось, весь мир состоит из гниющей плоти животных и людей. Похоронные команды – вначале были и такие – заливали рвы с телами раствором хлорки, но и эта резкая химическая вонь не могла заглушить сладкий запах тлена.

Сергеев потряс головой, стараясь отогнать воспоминания, и посмотрел на Молчуна искося. Молчун великодушно сделал вид, что не заметил затянувшейся паузы.

«Он считает меня стариком, – подумал Михаил. – В его глазах я стар, как Моисей. Как Великая Китайская стена. Что я сам думал в свои пятнадцать о людях, которым скоро пятьдесят? Я думал, что так долго не живут».

Он опять поднес бинокль к глазам и тщательно осмотрел окрестности еще раз, уделив особое внимание дальнему лесу – вдоль него проходила дорога, с которой свернули бронемашины. Если опасность где-то и притаилась, то лучшего места для засады в округе не было. Сергеев перевел взгляд на сгоревшие машины и подумал, что есть-таки в жизни счастье. Патроны, батарейки, оружие, консервы и, не исключено, спиртное лежало рядом. Иди и бери. И никто не разграбил место боя, ни одного следа человеческого присутствия – присутствия живых людей. С мертвыми, наоборот, обстояло благополучно. Они присутствовали в изобилии и уже никуда не спешили.

– Спускаемся к машинам, – сказал Сергеев негромко, – я – первым, ты – вторым. Сначала – дальняя БМП. Ты неходишь. Прикроешь меня и общешься тех двоих, которые слева. Патроны, спички, зажигалки, батарейки – все, что найдешь. И бумаги посмотри, если есть бумаги. Ботинки тоже... Тебе нужны ботинки.

Он посмотрел через плечо на свои ноги, обутые в десантные полусапоги не первой свежести, прикинул, когда они попадут к схрону, который уже привык считать домом, и добавил:

– И мне нужны ботинки.

Молчун кивнул и начал отстегивать пряжку рюкзака.

– Не снимай, – попросил Сергеев. – Не надо.

Рюкзак, конечно, был обузой, но содержал в себе множество полезных вещей. Оставлять его здесь, на пригорке, было неразумно – кто знает, что случится через десять минут? Не всегда можно вернуться той же дорогой.

Молчун поправил лямки и вопросительно посмотрел на Михаила.

– Давай, – скомандовал Сергеев, – только осторожно.

И они побежали к машинам.

Все-таки за этот год Молчун многому научился. Он и был неплох, когда они встретились, но это были только инстинкты и опыт. Несомненно, важные – Сергеев был далек от того, чтобы превозносить теорию. В свое время покойный Мангуст, светлая ему память, говаривал: «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет!», но, несмотря на склонность к этой сентенции, гонял всю группу до седьмого пота. До тех пор, пока теория не становилась рефлексом.

Золотое было время – в стране бушевала перестройка, но порядок еще был какой-никакой. И Советский Союз еще был, и достаточно свободно себя чувствовал на чужих территориях. И спецбы были нужны – назывались они консультанты и, по идее, были никем – так, «штафирки» в форме. Но это по идее. А если без нее – достаточно специфические консультации и советы давали Сергеевские однокашники по всему миру. Дельные, можно сказать, советы. Без лишнего теоретизирования.

Но парня он все-таки подучил. Вот как грамотно идет в двойке. Просто красавец! Мангуст, был бы живой, обязательно похвалил бы.

Возле воняющей горелым туши БМП они разделились. Сергеев скользнул к полуоткрытому люку и прижался боком к холодной броне, прислушиваясь. А Молчун, пригнувшись,

заскользил по высокой, полусухой траве и залег возле первого тела, будто бы припал к нему в скорбном порыве. Сергеев увидел, что Молчун сразу покойника не обыскивает – внимательно осматриваясь на предмет растяжек возле тела, успокоился и, проделав ту же процедуру с люком, нырнул внутрь БМП.

Он еще раз порадовался тому, что ночи стоят холодные – внутри была та еще каша. Кумулятивный заряд прожег броню, и все, кто были в машине, погибли мгновенно. Те двое, кого сейчас обыскивал Молчун, были на броне или успели выскочить – люк был приоткрыт все-таки. Во всяком случае, в момент, когда раскаленный поток газов ворвался в кокон брони, внутри их не было.

Кровь запеклась на полу во время пожара бурой чешуей. Внутри машины пахло жареным мясом, как в шашлычной. Сергееву стало мутно от такого сравнения, но пахло именно так. Пригоревшим жиром, кусками холодного, оставшегося на ночь на мангале мяса, старыми углями. И порохов. Именно по этому запаху Сергеев понял, что ловить тут нечего.

Боеприпасы рвались внутри этой жестяной коробки, пока она горела, и рвали в клочья трупы, оставшиеся в ней. Ничего ценного. На всякий случай он осмотрелся, подсвечивая себе фонариком. В принципе, он мог этого и не делать. Спокойнее бы спал в следующую ночь, хотя был уже привычен к разным зрелищам. Желчь подступила к горлу, и Сергеев вылетел наружу пробкой, жадно глотая воздух ртом. Отдышавшись, он сплюнул, с трудом избавившись от тягучей, как паутина, нити слюны, приклеившейся к нижней губе.

Будет плохо, если и во второй машине обнаружится такая же каша. Сергеев опять огляделся и понял, что во второй машине должно быть лучше, если, конечно, можно так сказать. Именно ее разбегающихся пассажиров расстреливали веселые вертолетчики, значит после попадания в отсек ракет, кто-то остался жив. Иначе бегущим просто неоткуда было взяться.

Значит, надо помочь Молчуну и двигаться туда. Желательно быстро – Михаилу сильно не нравилась та самая опушка за проселком. Какая-то невидимая сила все время заставляла его посматривать в сторону леса, и Сергеев подозревал, что Мангуст назвал бы эту силу интуицией – производной от суммы опыта и разумной трусости. Любил Мангуст выявлять жизненные парадоксы.

Он подал знак Молчуну, и, коротким рывком преодолев открытое пространство, упал в траву рядом со вторым телом.

Все займет минимум часа два, а то и больше. Но время есть. Пусть небольшой запас, но все-таки есть. Даже если и опоздать часов на десять-двенадцать, все равно – дождутся. Никуда не денутся. Им нужно то, что несут с собой Сергеев и Молчун. И у них есть новый заказ. Это как пить дать – всегда было так. Значит, можно не спешить особо. Спешка, как известно, нужна при ловле блох.

Сергеев внимательно осмотрел землю возле лежащего ниц тела. Растяжек не было. Он осторожно просунул руку под труп, пытаясь нащупать тонкую проволоку или торчащие из мягкой земли «усики», но и там мина-ловушка не обнаружилась. Тогда он медленно перевернул покойного на спину.

– Совсем молодой, – подумал он, равнодушно разглядывая мертвое лицо с застывшим на нем выражением удивления, говорящим о том, что парень был убит наповал и умер мгновенно, без мучений. – Впрочем, они сейчас все молодые. Живи быстро, умри молодым, как говорили когда-то.

К поясу покойного были пристегнуты две гранаты. Из нагрудного кармана куртки маскировочной расцветки выглядывала пачка сигарет.

«Вот и отлично, – подумал Сергеев, обшаривая карманы трупа и стараясь не испачкаться о загустевшую кровь, обильно пропитавшую одежду парня на груди и животе. – Как это кстати получилось! Просто редкая удача!»

Слева от него тенью проскочил Молчун, направлявшийся к следующему телу. Выражение лица у него было спокойным и деловитым.

– Боже мой, – сказала Вика, – если бы ты знал, как ты мне надоел! Как мне надоело то, что ты суешь свой нос туда, куда тебя не просят. Как мне надоело твое неумение молчать, когда надо! Как меня раздражает твоя работа на этого дегенерата! Честное слово, все, что в тебе есть хорошего, – у тебя между ног. А я, дура, вначале только туда и смотрела. Сама виновата!

Она выглядела огорченной и усталой. Она даже оскорбления говорила с усталостью в голосе, словно выдавливая их из себя. В ее интонациях не было ненависти, только грусть от обыденности ссор и констатации общеизвестных фактов.

Ее муж – идиот. Шеф ее мужа – выскочка и идиот, не достойный даже бороться за президентский пост. Она – страдающая сторона. Ее шеф – принципиальный противник шефа супруга, умнейший человек и благороднейшая личность! Ангел, пока без крыльев, и то только по недосмотру небесной канцелярии. Крепкий хозяйственник, превосходный организатор и порядочнейший человек.

Спорить было бесполезно. Не о чем было спорить. Факты были известны ей так же, как Сергееву. Как и всей стране. Но... При чем тут факты? Стране надо было показать, какой матерый человечище берет в свои руки вожжи. Явить народу лик лидера, красавца, прекрасного семьянина и оратора. С последним пунктом было совсем тяжело. С предыдущими – тоже. Уж слишком необходимый портрет отличался от оригинала. Для успеха дела нужно было не врать, а искренне верить. И она не врала. То есть врала, конечно, но, с ее точки зрения, говорила чистую правду. Умение войти в роль, убедить себя в собственной непогрешимости и отстаивать собственную, выстраданную и тщательно проработанную в воображении точку зрения всегда было ее сильной стороной. Она умела убеждать окружающих и, прежде всего, себя саму.

Сергеев молча слушал жену, изредка поглядывая на ее ухоженное лицо, все еще красивое, с не по-женски густыми, не знавшими пинцета бровями и желтыми, как у камышовой кошки, глазами. И недоумевал, как он мог полюбить такую женщину. Ладно уж полюбить, объективно любить как раз было за что, а вот как он мог связать с ней жизнь, он уж точно не понимал. И ведь встретились они уже далеко не в нежном возрасте – обоим было под тридцать.

Сергеев только закончил карьеру консультанта-советника и еще не залечил раны после семи месяцев, проведенных в кубинской тюрьме. Тогда считалось, что этот этап в его жизни закончен, жирная точка поставлена в конце досье и теплое место в МЧС плюс небольшая компенсация за все лишения и трудности консультантской жизни должны были помочь ему адаптироваться в изменившемся мире.

Из всех предложенных ему на выбор городов он выбрал Киев, может быть, потому, что Москву не любил, климат Питера был для него мучителен, а о Киеве он сохранил теплые воспоминания с юношеской поры. И еще потому, что в Киеве, в двухкомнатной квартирке на Троещине, жила единственная оставшаяся в живых родственница – сестра отца, тетя Клара. Начальство, услышав о выборе, поморщилось, привычно выругало хохлов с их «незалежностью», но обещанное выполнило. Квартира, машина, украинский паспорт, данное, скрипя зубами, обещание не обращаться к Сергееву без особой надобности – и дверь Конторы закрылась, выпустив Михаила в обычный мир. Но даже тогда, испытывая вполне понятное облегчение вкупе с болями в изуродованной пытками ноге, Сергеев понимал, что двери эти захлопнулись не навсегда.

Оболочка, называемая экс-СССР, конечно, к тому времени распалась, и отношения между бывшими братьями и сестрами в официозе были ни к черту, но Контора оставалась Конторой. Старые связи между однокашниками никуда не девались, взаимные обязательства – тоже. Это тебе не форма головных уборов или цвета нашивок. В Конторе настолько привыкли ходить в чужой форме без знаков отличия, что к атрибутике оставались совершенно равнодушными – общие воспоминания цементировали симпатии и антипатии, а работа, чего

уж тут скрывать, осталась. Пусть на коммерческой основе, но осталась, и до тех пор, пока в мире вспыхивали локальные конфликты, создавались новые режимы и боевые части формировались из разного сброда, никто из старых кадров безработицы не боялся. Боялись только встретиться по разные стороны баррикад, что иногда случалось, и небезосновательно боялись, как показала дальнейшая жизнь. Но тогда до этого было далеко, как до Луны. Жизнь начиналась с нуля в тридцать лет с небольшим, и запах цветущих на берегах Днепра каштанов волновал сердце больше, чем приторный, похожий на животный, аромат орхидей, знакомый Сергееву не понаслышке.

Был он тогда весь из себя мужественный и загадочный, растерявший в гостях у Кастро лишний вес, который, кстати, больше к нему и не вернулся никогда. Этакий таинственный красавец без прошлого, а вернее, с выдуманным прошлым, полиглот, рослый, сухопарый, почти полностью седой, сероглазый, с небольшим шрамом на верхней губе и совершенно не портящей его почти жоффреевской хромотой, которая, по обещанию врачей, должна была пройти через несколько месяцев.

И Вика была хороша, настолько хороша, что показалась ему ослепительной красавицей. Очень необычная была девица – независимая, едкая в суждениях, с копной черных жестких волос, увязанных в «конский хвост», смуглой, удивительно нежной кожей, раскосыми кошачьими глазами желто-медового цвета и миниатюрной фигурой, в которой хрупкость соседствовала с достаточно выразительными женскими формами. Работала она тогда журналисткой в достаточно модном и влиятельном ежемесячнике «Киевский коммерсант» и в киевской дирекции «Радио Свобода», на котором вела передачу три раза в неделю. А еще имела за плечами два высших образования и два неудачных брака, одного ребенка восьми лет, с пяток шумных журналистских расследований, одно из которых едва не закончилось для нее трагически, и репутацию, о которой могли только мечтать большинство ее коллег-мужчин.

Плюс ко всему, в силу особенностей характера, Вика Плотникова была сердцедакой в самом худшем смысле этого слова. Мужчин она не уважала, но любила просто пользоваться ими ввиду физиологической необходимости, тогда, когда сама того желала, выбирая себе жертву на ночь из многочисленного списка своих побед. Так паучиха выбирает в дальнем углу своей норы плотно упакованное в паутину и предварительно надкушенное для удобства употребления, полупереваренное тело давно пойманной и оставленной на черный день мухи.

Они познакомились, когда Вика мертвой хваткой вцепилась в расследование махинаций с земельными участками, принадлежащими МЧС и идущими под строительство коттеджных городков. Тема, действительно, была скользкая, с запахом больших денег и откровенного криминала.

Тогда еще госпожа Плотникова имела идеалы, считая себя неким Робин Гудом от журналистики – теперь это все прошло, но в то время...

Генерал Криворотов, неплохой, в сущности, просто жадноватый и не очень далекий мужик, глотал валидол тюбиками, пил корвалол и пумпан стаканами и бледнел при одном упоминании о Вике, которая шла по его следу, как кровавая гончая за раненым оленем. Но брать взятки не переставал. Он хапал деньги за переоформление земли с такой скоростью и рвением, что было впору давать либо 10 лет строгого режима, либо героя капиталистического труда. Он даже не хапал – он их косил широкими, лихими взмахами, как косарь подрезает с уханьем высокую сочную траву на покрытом утренней росой лугу.

Никто не носил ему деньги в конвертах, нет, никогда! Такие суммы просто бы не влезли ни в один конверт – только атташе-кейс, причем достаточно объемный, мог вместить ту огромную благодарность, которая переполняла сердца заинтересованных лиц.

Плотникова кружила над генералом, как оголодавший стервятник над умирающим львом. Кто-то из генеральских недругов, а таковых было немало, сливал Вике конфиденциаль-

ную информацию и кое-что из документов, явно лелея надежду занять криворотовскую синектуру.

В скандальных интернет-изданиях и в самом «Киевском коммерсанта» уже вышли несколько статей, содержащих факты, близкие к тем, что имели место быть в действительности, а Криворотов чуть не поимел инфаркт на рабочем месте в разгар трудового дня во время чтения прессы. Старика откачали реаниматоры из «Медикома», в редакцию «Коммерсанта» от лица сотрудников направили возмущенное письмо, оставленное, кстати, без внимания, а через день Плотникова сама подошла к Сергееву в ресторане, когда он ужинал. И просто, без затей и приглашений, уселась за его столик, уперев Михаилу в переносицу взгляд своих умело подведенных, нагловатых глаз. Для акулы пера она выглядела чертовски привлекательно.

Сергеев продолжал есть, изредка недружелюбно поглядывая на Вику, которую он сразу узнал по фотографиям. Оба молчали. Держали паузу, если так можно сказать. Докурив длинную коричневую сигарету, дым которой остро пах гвоздикой, Плотникова затушила ее в пепельнице и наконец-то произнесла, не спрашивая, а утверждая:

– Ты – Сергеев.

– Точно, – сказал Михаил чуть погодя. – Он самый.

Она опять замолчала, глядя на него в упор. Сергеев, не отводя от нее взгляда, медленно отрезал от сочной говяжьей вырезки очередной кусок и принялся его жевать, отхлебнув из бокала глоток красного сухого вина.

Потом начал отрезать следующий ломтик, в душе наслаждаясь ситуацией. Ни одну паузу нельзя держать вечно, но если делать это умело...

На четвертом кусочке она не выдержала.

– Плохое воспитание, – сказала она, прикуривая следующую приторно пахнущую сигарету, – ваша Контора всегда была не комильфо.

Сергеев кивнул, соглашаясь. Обе его конторы, и прошлая, и нынешняя, действительно, зачастую были не комильфо. Это был факт, но вдаваться в подробности или начинать диспут Михаил не хотел.

– Я – Виктория Плотникова. Слышал, наверное?

Сергеев опять кивнул, в очередной раз вонзая нож в вырезку.

– Ты – Сергеев. – Повторила она спокойно. – Ты работаешь у Криворотова. И нам надо поговорить. Тебе кто-нибудь говорил, что когда разговариваешь с человеком надо смотреть ему в глаза?

Он положил приборы рядом с тарелкой, тщательно промокнул губы салфеткой и сказал, почти идеально подстроившись под ее интонацию:

– Кроме того, что я – это я, все не так. Я не работаю у Криворотова. Я работаю в Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Второе – это тебе надо со мной поговорить. Мне это совершенно ни к чему. Третье – когда я говорю с человеком, я всегда смотрю ему в глаза. С тобой я пока не говорю. Доходчиво объяснил?

Теперь настала ее очередь кивнуть.

Он опять взял в руки нож и вилку и продолжил трапезу как ни в чем не бывало.

– А ведь я не уйду, – сказала Вика на удивление беззлобно, даже посмеиваясь то ли над собой, то ли над ситуацией. – И не жди.

– А я и не жду, – сказал он, делая глоток вина. – Ты сиди, ради бога. Ты красивая. На тебя приятно смотреть. Сигареты, правда, у тебя каким-то дерьмом набиты, но это ничего, потерплю.

Она, не сдержавшись, фыркнула, став еще больше похожей на кошку.

– Тебе что-нибудь заказать? – спросил Сергеев. – Поесть? Выпить? Я искренне. Без подвоха. Раз уж мы тут сидим.

Плотникова не выдержала и рассмеялась. Смех у нее был хороший. Не воронье карканье, не жеманное хихиканье, не пейзажный регот, а красивый, грудной смех, сразу вызывающий у любого нормального мужчины вполне объяснимое желание услышать его интимную модификацию в совершенно другой обстановке.

– Закажи. То же, что и себе. Хорошо прожаренный стейк.

– Вино?

Она повернула стоящую перед ним бутылку этикеткой к себе и мизинцем руки, в которой она держала сигарету, слегка пригладила бровь.

Это был только ее жест. Жест, по которому Сергеев потом бы узнал ее из тысячи других женщин. Она вся состояла из таких вот особенных деталей – только ее жестов, только ее запахов, только ее словечек.

Она отличалась от всех женщин, случавшихся в его жизни, как отличается итальянский автомобиль ручной сборки от стандартного творения советского автопрома. Или, если это кажется слишком приземленным сравнением, как картина великого мастера от литографии, отпечатанной тысячами экземпляров.

Это сейчас она говорит о ненависти – теперь она почти чужая женщина, пресс-секретарь премьера, дама при власти. Раньше она говорила о любви. О взаимопонимании. Хочется думать, что искренне говорила. Сейчас она врет – еще несколько лет назад вспыхнувшие на уровне химии тел чувства волновали ее больше работы, больше карьеры, больше, чем имидж «охотницы», и уж наверняка больше, чем содержимое его штанов. Это прекрасно дополняло взаимный интерес – им было очень хорошо в постели, но не было главным в отношениях.

Пока ее не купили. Пока она не изменила. Интересно, что случилось первым? Он никогда не задавал лишних вопросов. Подозрения? Подозрения, наверное, были. Уж слишком вызывающе хороша и сексуальна она была. Но он не хотел об этом думать. Их роман изменил его настолько, что Сергеев, любивший женщин и любимец женщин, все время их брака и не помышлял о случайных связях. И по наивности или слепоте, свойственной всем влюбленным мужчинам, переносил собственные соображения и мироощущения на жену.

Что было в действительности? Зачем теперь об этом думать? Все закончилось. Они почти чужие люди. Все, что объединяло их, – в прошлом. Будущего нет и не будет. И нечего удивляться, что в словах ее не слышать даже тени приязни. Теперь он, создающий ее шефу проблемы, для нее помеха. Обуза. Раздражающий фактор. Заноза в заднице. Разве можно с любовью говорить о занозе в заднице?

Жаль, но у всех есть своя цена. Ценой Вики оказалась власть. Не самый худший вариант, если посмотреть объективно. Не деньги – она зарабатывала достаточно и будучи Робин Гудом. Не молодые мальчики с крепкими телами – она всегда считала их «вибраторами на ножках» и «чисто прикладным предметом». Не шмотки, не камни, не дорогие авто, не меха...

Лысенко купил ее легко и просто, сделав старшей над коллегами, дав ей возможность «рулить», выбирать, кого допустить, а кого не допустить к телу, кого принять, а кого не принять в кортеж, сопровождающий Лысого на политически важное мероприятие. Он купил ее, сделал полностью безопасной для себя, дав Вике возможность рассылать «темники» от его имени, наказывать тех, кто пытался писать «мимо кассы», тех, кто отзывался плохо о ней самой и методах ее общения с бывшими, теперь уже бывшими, коллегами. Она перестала быть Викой. Она стала Викторией Андроновной. Бывшая фам-фаталь, звезда журналистских расследований, хрипловатый голос свободы стала голосом власти, получившим право карать и миловать недрогнувшей рукой. Ни один чиновник не мог бы делать это эффективней, чем она, знавшая в тонкостях повадки и хитрости своих бывших товарищей. Ее не мог обмануть эзопов язык, не вводили в заблуждение тонко завуалированные намеки – это было ее оружие, ее территория, ее приемы. И она не знала жалости при достижении поставленной задачи. Как, впрочем, и не знала ее, находясь на другой стороне баррикад. Как вообще ее не знала, наверное.

Она брезгливо топырит губу, морщит лоб, и лицо ее становится неприятно знакомым, словно это Лысенко сделал операцию по изменению пола и напялил на себя парик из ее волос. А тогда...

Тогда она посмотрела на этикетку, пригладив бровь, выпустила тонкую струйку гвоздичного дыма и сказала:

– Чилийское красное? Годится. Просто попроси принести второй бокал.

Из угла доносились посвистывание окарины и гитарный перезвон – трио музыкантов, наряженных в пончо и сомбреро, кутаясь в табачный дым, добросовестно отработывало свою зарплату, оправдывая аргентинское название заведения.

Официант, лысоватый мужичок лет этак сорока, с вороватыми бесстыжими глазами, явно не мог оторвать от нее взгляда, разве что не облизывался, но исполнил требуемое быстро и аккуратно. Вика пригубила вино и, поставив бокал на стол, закурила следующую сигарету от окурка старой.

– Волнуешься? – спросил Сергеев.

Она пожала плечами.

– Нет. С чего бы... Просто хочу курить.

– Потому что мне не нравится дым?

– Потому что мне он нравится.

– Принято.

– Кто ты, Сергеев? – спросила Плотникова, разглядывая его сквозь голубоватую, пахнущую сладковато-удушливо завесу. – Почему я тебя не знаю? А ведь в твоей конторе я знаю всех. Я копаю вас уже полгода. Почему о тебе никто не знает никаких подробностей? Никто не говорит плохо, никто не говорит хорошо. Почему, Сергеев?

– Я человек непубличный.

– Ах да... Совершенно непубличный. Но свято блюдуший корпоративную этику.

– А что такое корпоративная этика?

Она не отвела взгляда, только глубоко затянулась и как-то неловко, словно сова, повернула голову в его сторону.

– Неужели я так похожа на дуру? – спросила она. – Даже обидно. Как ты думаешь, кто мне сливает информацию о твоём шефе? Да твои сослуживцы в очередь ко мне стоят – рассказать о делишках Криворотова.

– Верю, – сказал Михаил спокойно, тоже не отводя взгляда. – Но это не вся правда. Рассказывать-то тебе рассказывают, но этим не удивишь ни читателя, ни прокурора. Важно другое – источник-то у тебя не один. Часть тебе сливают твои друзья из СБУ, у них свои интересы. Дозированно сливают, грамотно, без лишних подробностей. Чтобы ты видела картину, как нужно им – с одной стороны. Часть тебе сообщает Крыс, на то он и первый зам, чтобы метить на место шефа. А еще кое-что – ты выдумываешь. Ты не волнуйся, у тебя хорошо получается, почти правдоподобно.

Она даже опешила на миг, но очень быстро, почти привычно взяла себя в руки – так поступает человек, привыкший держать удар на уровне рефлексов, а не усилий.

– Вот даже как? – сказала она с удивлением в голосе. – А я думала, что хитрее всех. То есть, надо понимать, ты мне без надобности?

– Я тебе без надобности.

– На место Криворотова ты не метишь?

– Зачем мне его место? У меня есть мое.

Была когда-то такая игра – гляделки. Глупая, если рассуждать, игра. Бессмысленная. Двое смотрят не мигая друг другу в глаза до тех пор, пока один не моргнет или не отведет взгляд, – в этот момент он проиграл.

На мгновение Сергееву показалось, что он с Плотниковой играет в эту игру. Ставка неизвестна, но очень высока. Чрезвычайно высока. Жизненно важна – иначе зачем с такой силой уперлась ему в глаза взглядом эта странная, похожая то ли на кошку, то ли на хищную птицу женщина?

В этом взгляде было все: злость, заинтересованность, раздражение, банальное любопытство, настороженность, но без страха, и, как ни странно, влечение. От ее взгляда отчетливо пахло мускусом. Настолько отчетливо, что Михаил ощутил холодок, пробежавший вдоль позвоночника к крестцу. И именно это ощущение взаимности, резонанса ощущений, было самым неожиданным для привыкшего к женским приемам Сергеева.

Внезапно она моргнула, и протянувшаяся между ними нить лопнула, оставив чувство неловкости и странное послевкусие в беседе.

Когда-то, в другой жизни, грузный седой мужчина, называвшийся Леонидом Сергеевичем, любивший носить слаксы и очки в массивной роговой оправе на пористом, угреватом носу, учил их создавать в разговоре настроение. Определенное настроение для достижения определенных целей. Учил подробно, с душой, щедро делясь приемами создания атмосферы, приемами использования особенностей психофизического и физиологического строения объекта интереса и прочим премудростям. Именно он, шмыгая своим вечно сопливым носом, впервые рассказал им об этой ниточке, протянуть которую между собой и объектом интереса без мордобоя, химикатов, электротока и прочих пошлостей, необходимых в профессии, есть высший пилотаж ведения допроса, ох, простите, беседы.

И совершенно не важна причина, по которой эта ниточка образуется, – страх ли, нежность ли, боль ли или простое любопытство. Главное – сам факт ее возникновения. Пусть на короткий миг, на секунду – и дело сделано.

В первое мгновение Сергеев обрадовался успеху, скорее, по привычке, по инерции, согласно рефлексу прошлых лет, но тут же остыл, сообразив, что не может понять точно, с какой стороны искомая ниточка протянулась: то ли от него к Вике, то ли от нее – к нему.

И чувство радости сменилось неуверенностью, положившей руки к нему на плечи со спокойствием старого близкого друга. Словно из жаркого торжества победы он нырнул в ледяную прорубь поражения и с разгону ушел под черный лед, в безвоздушное пространство, так хорошо ему известное по прошлым годам.

Как тогда, в обшарпанном номере гаванского «Хилтона», когда он глядел в глаза Рауля, казавшиеся ему испуганными. В карие, с зелеными точечками, глаза, с расширенными во всю радужку от принятого кокаина зрачками. И все было один к одному – просто, понятно и совершенно. И связи, и пункты передачи товара, и деньги в объемных бронированных кейсах, наличными. Рауль любил наличные.

Очоа, героя барбудос и друга Че, они уже прихватили до этого. Он был раздавлен и не мог понять, что же все-таки случилось, а вот Ла Гуардиа – нет, держался молодцом. И Рауль, уже далеко не молодой, жалок не был. В глазах его, на первый взгляд, был животный страх, он поминутно облизывал пересыхающие губы и вытирал нос рукой. Он, казалось, знал, что сейчас в номер войдут сотрудники безопасности, и никакой статус не спасет его от ареста. И Сергеев это тоже знал. И внутренне торжествовал, наслаждаясь финалом многомесячной и многоходовой комбинации.

А потом, когда в номер ломились остро пахнущие потом и табаком автоматчики, он вдруг увидел в глазах Рауля нечто и почему-то сразу понял, что на сей раз их обманули, разыграли, как детей на халтурном новогоднем утреннике с пьяным Дедом Морозом и сильно немолодой Снегурочкой. Что ничего не кончилось, а, наоборот, все только начинается. И вместе с этим пониманием к нему пришло чувство разочарования, ощущение, что их использовали. В очередной раз использовали. И он оказался прав.

Арестовали не Рауля, арестовывал Рауль. И в Трибунале чести Раулю досталась роль обличителя. Он оказался героем на белом коне. Очоа и Ла Гуардию расстреляли второпях, не особо заботясь о внешних приличиях. А с ними...

С ними случилось то, что должно было случиться в такой ситуации.

Сергеев почувствовал, как от воспоминаний у него заныло колено. В ноздри шибануло вонью немытого тела, припаленного электродами мяса и гнилых зубов. Когда Чичо орал, изо рта у него летела брызгами слюна, обдавая Сергеева запахом тления. Это было страшнее боли. Если бы Чичо мог ощутить хотя бы на миг то, что испытывал в этот момент Михаил, он бы отложил в сторону и аккумулятор, и киянку, превратившую колено Сергеева в сплошной пульсирующий в ритме самбы шар огня. Он бы плевал на него с особым цинизмом, а Сергеев умирал бы от отвращения в прямом смысле слова. И поэтому было особенно важно не показать этому рослому гнилозубому мулату, как ему плохо, – надо было смотреть не мигая, чтобы ни гримасой, ни дрожью не выдать истинных чувств.

А капитан Чичо был хорош в своем ремесле – крепкий малый с горящими в свете тысячеваттной лампы мертвыми глазами стервятника, черными курчавыми волосами и рябым от оспин лицом шоколадного цвета...

Она еще раз моргнула, и все вернулось на круги своя. Воспоминания поблекли. Гитарный перезвон, жалобный свист окарины, табачный дым и аппетитный запах жаренного на углях мяса. Как и не было никогда ничего.

– Ну что ж, – сказала Виктория, – тогда просто будем знакомы?

– Мне это больше нравится.

– Если быть до конца честной – мне тоже. Было бы обидно, если бы ты начал петь соло-вьем.

Она улыбнулась.

Официант поставил перед ней тарелку с дымящимся телячьим стейком, четвертиной лимона, зеленью и исчез из виду с явной тоской во взгляде.

Она выдавила на мясо брызжащий соком лимон, ловко орудуя ножом, отрезала кусок и, жуя, сказала:

– Вкусно. Просто великолепно.

Улыбка ей шла. У нее были крепкие белые, чуть крупноватые зубы и яркий рот, который слегка портила привычка брезгливо поджимать губы. Но когда она улыбалась, то была почти совершенством.

– Когда ешь такую вкуснятину, так и тянет спросить о том, что будет на десерт.

– А что будет на десерт? – спросил Сергеев, не скрывая заинтересованности.

– Еще не знаю, – сказала она, подняв бровь, – но мы можем это обсудить.

– Без дополнительных условий?

– Без дополнительных условий.

Он посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

Все великие разочарования начинаются с триумфа. Их роман не был исключением.

Вертолеты вынырнули из-за придорожного леска, как раз оттуда, откуда их Сергеев и ожидал. Две современные малолетные машины, выкрашенные в цвет хаки, с беспорядочной россыпью камуфляжных пятен на фюзеляжах.

Перевалив через поникшие, рано облетевшие от нынешних осенних ветров деревья, две хищных винтокрылых птицы заскользили над полем – наверное, и вчера они двигались так же: неторопливо, но в то же время стремительно – так атакует, не делая ни одного лишнего движения, опытный, хладнокровный боец. Утробно ухали винты – сам звук еще не был слышен в полной мере, но от его низкочастотной составляющей кожу на затылке морщило, как старый пергамент на солнце.

Самое время было выругаться, но времени на ругань не было. Его вообще ни на что не было. Оставалось буквально несколько секунд для того, чтобы исчезнуть из виду, испариться, нырнуть под землю или взлететь в небеса. Летать никто из них не умел, испаряться тоже. Но тот овраг, который Михаил еще полчаса назад так хотел обойти стороной, на счастье – на превеликое счастье – был рядом – метров шестьдесят. Один шанс, но он все-таки был. И Сергеев заорал так, что сам не узнал звук своего голоса:

– В овраг! Быстро!

За то время, что крик вырывался из его напряженного горла, вертолеты, которые только что казались раскормленными голубями, сократив расстояние, выросли до размеров двух крупных гусей.

Улов, ради которого они рисковали, шаря по расстрелянным машинам, был хорош, но, похоже, трофеи могли дорого обойтись – пленных тут не брали. Эх, «муху» бы... А еще лучше две. Но не было, не было «мухи»! И «стингера» не было, и «стрелы». Сергеев точно знал, где, совсем недалеко, километрах в тридцати, лежат несколько таких необходимых им сейчас комплексов, но это знание помочь не могло. Их засекли, поймали на живца и мчались сюда, чтобы заполучить добычу – вот почему все здесь оставили, как было! Они ждали, что кто-то придет – уж, конечно, не Сергеева с Молчуном, а кого поаппетитней, но ждали, это точно!

Сенсор где-то тут был, это как пить дать. Или, скорее уж, видеокамера, оставленная на всякий случай – датчик движения был бы просто не эффективен. За ночь зверье еще не подошло к телам: стрельба, коптящий дым пожара, после которого слишком долго воняло горелым...

А вот сегодня гости ожидались.

Лисы, расплодившиеся сверх всякой меры, волки, собаки, еноты и даже медведи, появившиеся в изобилии на Ничьей Земле последние лет пять, – всяк не прочь откусать человечинки. Сенсор орал бы как заведенный, и те, кто устроил ловушку, не могли этого не учесть. Значит, оставили камеру и ждали, что кто-то появится возле бронемашин. И дождались.

Молчун неся к краю оврага резво, что твой рысак, – собранный, без лишних взглядов через плечо, заметно опережая Сергеева, который стартовал первым. Все-таки годы давали о себе знать, и тут ничего не поделаешь.

Гул турбин нарастал. Сергеев спиной ощущал, как поворачиваются под шелест сервоприводов на турелях пулеметы, как примериваются к прицельной стрельбе через дверные проемы сержанты в легких бронежилетах, и мысленно попросил Бога о том, чтобы смерть, если она будет, была мгновенной. Но на этот раз Господь решил по-другому. Они все-таки успели.

Молчун прыгнул в овраг ногами вперед, словно в речку с «тарзанки», и с треском врезался в заросли орешника, густо покрывавшего весь склон почти до самого низа. Сергеев, отстававший на добрый десяток метров, достиг края в тот момент, когда с ближней «вертушки» застрочил пулемет, но тяжелые пули ударили в пустоту – он уже летел вниз, ломая ветки, стараясь прикрыть лицо локтями. На полпути его развернуло в воздухе от удара о тонкий пружинистый ствол, швырнуло спиной вперед обо что-то твердое, да так, что в рюкзаке захрустело.

– Только бы не контейнер! – с ужасом подумал Сергеев, но испугаться по-настоящему не успел.

Ноги обогнали голову, и он кувыркнулся в воздухе, словно парашютист в свободном полете. Тонкая, как хлыст, ореховая ветвь рассекла ему губу и обожгла щеку болью, а в следующий момент Сергеев получил сильный удар в промежность и, взвывая, шлепнулся в неглубокую лужу, на укрытое слоем подопревших листьев дно оврага, подняв в воздух тучу брызг.

Рядом, по мертвой и мокрой листве, хлестнули очереди пулеметов, прочертив фонтанчиками, выбитыми из воды и земли, четыре смертоносных трассы, и ушли дальше, миновав на этот раз облюбленные цели.

И тут же над оврагом, придавив беглецов к земле яростным ревом двигателей, промчались вертолеты. Рукоять автомата больно давила Сергею на ребра, дыхание забило при падении так, что не было сил подняться, а Молчун, вцепившись клещом, уже волок его к поваленным, подгнившим стволам, глубоко вросшим в почву метрах в пятнадцати от места их падения. Откуда только силы у пацана взялись? Ослабевший на секунды гул турбин опять начал нарастать – «вертушки» зашли на боевой разворот и вновь устремились к оврагу, стараясь успеть накрыть бегущих огнем – лезть за ними в глубокий лог никто не хотел. Да и сам Сергей в жизни добровольно в него б не полез – слишком хорошо он знал, какие сюрпризы могут скрываться на дне. Им повезло, что до вечера было далеко. Если бы на лес опустились сумерки, их бы расстреляли, как куропаток, с помощью приборов ночного видения, не спускаясь вниз, словно в тире. А так – если пережить барражирование – есть шанс спастись, уйдя по оврагу из зоны обстрела.

Поливая землю свинцом, две боевые машины пронесли над ними. Что-то застучало по ветвям, значительно тише и медленнее, чем стучат летящие пули, и чавкнуло, падая в грязь. Потом справа хлопнуло, и воздух вокруг наполнился свистом и шелестом – осколки прошли лесок, чудом не зацепив никого из них. Потом рвануло слева и сзади, но Михаил, прикрывая собой Молчуна, прижимался к обомшелому стволу рухнувшего давным-давно вяза. Осколки впились в трухлявую кору и увязли в пропитанной влагой древесине.

На третий заход они вышли еще быстрее, предварительно сбросив скорость, и зависли над оврагом, всматриваясь в переплетение ветвей. Снизу Сергей видел стрелков, выглядывающих из дверных проемов, видел их темные кевларовые шлемы с зеркальными забралами. Не униаты, не ооновцы, не россияне. Неужели охотники?

Сергей слышал о таких рейдах, устроенных неизвестно кем, но известно зачем и за большие деньги. Ему рассказывали в Москве – Оленин до своей смерти рассказывал, но за бутылкой, с хиханьками-хаханьками. Колычев обмолвился пару раз – в виде анекдота. И в Интернете, бывало, всплывала реклама, но без прямых описаний, кто и за кем собирается охотиться – туры на Ничью Землю. А сейчас Михаил воочию видел их – новые вертолеты, таких нет ни у ООН, ни у россиян, ни у многочисленных формирований на территории Зоны совместного влияния. Современное оружие, амуниция, оборудование. Может быть, это не армейская засада. Армия расстреляла бронемашину, а эти, вовремя получив информацию от своего источника, устроились у еще теплых трупов, чтобы насладиться сравнительно безопасной охотой на мародеров.

Еще заход. На этот раз гранат вниз полетело больше – почти десяток. Захлопали взрывы. Благо легли «лимонки» правее, метров на пятнадцать-двадцать: пилот ошибся с ориентирами и от густо летящих осколков беглецов прикрывал ствол, под которым они прятались. Сергей видел перепачканное лицо Молчуна со злыми, похожими на тлеющие угли глазами.

Дать бы ему волю – он бы устроил им бой с перебежками. Меняя позицию, можно было бы поймать на мушку дверной проем – тридцать метров для АК не дистанция – и устроить стрелкам вестсайдскую историю с простреленными конечностями и смертельными рикошетами внутри коробочки. Чем черт не шутит – в четыре ствола можно было бы и потягаться, если уж совсем крыша от злобы съехала. Ракет, кроме ПТУРСов, у них, кажись, нет, напалмовых бомб тоже. Но вдвоем – избавь, Господи, от соблазна. Нечего в партизанщину играть. Сядут, спустятся в овраг, возьмут в клещи и благополучно загонят, как кабанов, под пулеметный огонь зависших с двух сторон вертолетов. Не надо их злить. Пусть кидают «лимонки», стреляют наугад и делают прочие непрофессиональные глупости. У вас шоу, господа?! Развлекайтесь! Мы не гордые, мы полежим пока мордой в грязь. Эх, сообщить бы ооновцам, вот была бы потеха! Но об этом можно только мечтать...

Граната ударила о ствол над их головами и улетела в сторону, подпрыгивая, словно теннисный мячик. Сергей машинально прикрыл плечом голову Молчуна, а корпусом его тело, но граната рванула в глубокой промоине, которую вода проложила себе еще весной, во время

схода снега, если судить по заросшим травой краям, всего лишь осыпав их землей и палой листвой.

– Сейчас они уйдут, – почему-то прошептал Сергеев в перепачканное ухо Молчуна. Говорить в полный голос ему не хотелось, хотя никто услышать их не мог. – Надолго их не хватит.

Вертолет завис прямо над ними, словно огромный вентилятор, гонящий вниз поток воздуха, от которого дрожали ветки и вверх взлетала мелкая водяная взвесь. Лопасты испарывали воздух, свистели на басовой ноте турбины. Потом уханье лопастей перешло в непрерывный вой – один вертолет начал подниматься, волоча за собой вторую машину, словно привязанную к нему стальным канатом. Вниз, уже не прицельно, полетела еще пара гранат. Кто-то из стрелков выпустил по зарослям полрожка – так, наугад, для проформы. Отлетев на сотню метров от края оврага, что говорило о предусмотрительности и военном опыте пилота, машины сели.

Вот теперь время терять было никак нельзя.

Вниз они сразу не пойдут, но залягут с двух сторон лога и будут стрелять на каждый шорох и на малейшее движение. А там и ночь не за горами, а что из приборов ночного видения у них там, в рундучках, припасено никто не знает. Прикидываться холодным трупом Сергеев не хотел, хотя теоретически знал, как это делать. Но в условиях тропиков, а не поздней осенью на родной Украине, когда все вокруг холодное, сырое и мокрое, и на экране прибора он на таком фоне будет просто сиять, как фазан на снегу: стреляй – не хочу.

– Пошли, – сказал Сергеев Молчуну хрипло и вскочил на ноги.

Вскочил – это только так сказано. Ставший внезапно неподъемным рюкзак потащил его в сторону, и если бы малец не вцепился в рукав куртки, Сергеев бы рухнул на землю, как выпивший свои пол-литра забулдыга. Плюс ко всему, от удара в паху болело так, что Михаил заковылял прочь походкой кавалериста, совершившего трехдневный переход по пересеченной местности не сходя с седла ни на минуту. Каждый шаг отдавался внизу живота мучительным тянущим ощущением, хотелось немедленно лечь на землю, прямо на скользкие от влаги листья, и лежать, свернувшись в клубок, подтянув ноги к груди, и, по возможности, даже не дышать. Но кто мог дать ему такую возможность?

Дно оврага было усеяно мусором, сгнившими остатками поваленных когда-то деревьев. Слева от них торчал из земли смятый кузов допотопного «жигуленка», чуть впереди виднелся перекрученный в штопор остов металлической осветительной фермы, на которой висели ржавые лохмотья, бывшие некогда колючей проволокой. Земля, по мере того как они, под жалобное оханье Сергеева, максимально быстро продвигались вперед, прорастала осколками битого стекла, какими-то железяками, кусками осклизлого картона, рванными тряпками. Сергеев, крутя головой по сторонам, мысленно поблагодарил судьбу, что они не прыгали в овраг в этом месте – здесь бы их путешествие окончилось при приземлении и без помощи охотников.

Овраг был природным мусоросборником еще во время Волны. Позже ливни сносили в него мусор – откосы то и дело прорезались глубокими рывчками, похожими на следы сабельных ударов, в которых, словно змеиные тела в кубле, переплетались грязные корни деревьев и кустарников.

– Быстрее, – сказал Сергеев и затвердил, как молитву: – Быстрее, давай быстрее, быстрее...

Со стороны они, наверное, смотрелись комично. Мужчина и мальчик, который его поддерживал. Оба грязные, мокрые, с громоздкими рюкзаками, увешанные оружием. Многоногое, многорукое существо, неровно ковыляющее по земле, с кряхтением и стонами перебирающееся через поваленные деревья, протыкающееся сквозь кусты, разрывая одежду о ветви. Но, на их счастье, со стороны их никто не видел, а сами они оценить комизм ситуации не могли – не до того было, да и, с их точки зрения, ничего смешного в этом не было. Было больно, холодно и страшно. И не хотелось умирать. Совсем не хотелось.

Они ломились через заросли орешника напрямик, шумно, но даже через треск ломающихся веток Михаил слышал мерные звуки лопастей, вращающихся на холостом ходу и громкие голоса высаживающихся из вертолетов охотников. Задача была одна – уйти как можно дальше от места падения. Овраг, расширяясь, продолжался на север, туда, где, если Сергеев точно помнил карту, протекала река. Доходил ли овраг до реки или не доходил – карта об этом не говорила. Рельеф в этих местах менялся от сезона к сезону.

Было бы здорово, если бы овраг вывел их к руслу.

Река, текущая неподалеку, петляла среди подлеска, потом ныряла вглубь лесного массива и вновь вырывалась к полям, очерчивая заболоченную пойму черной лентой воды, прихваченной у заросших густым камышом берегов тонким и прозрачным, как пластинки слюды, ледком.

Выйдя к реке можно было нырнуть в чашу, можно было бы просто схорониться в одном из многочисленных буреломов. И, что важно, а мысль об этом не оставляла Сергеева ни на секунду, оттуда было достаточно близко до места встречи с Али-Бабой и его разбойниками.

Конечно, шанс на то, что Али-Баба их дождет, несмотря на опоздание, был, но...

Сколько он будет ждать? Сколько еще продлится игра в прятки с этими орлами на новейших «вертушках»? И продлится ли она вообще? Договаривались о люфте в двенадцать часов. Человеку, непривычному к атмосфере Зоны совместного влияния, высидеть эти часы в месте randevu, в полуразрушенном дебаркадере, который Волной зашвырнуло бог знает куда, посреди Ничьей Земли было нелегко. Даже справиться нужду, отойдя на несколько шагов в сторону, шарахаясь от каждого звука – от хруста ветки, звериного или птичьего крика, – требовало выдержки и умения держать себя в руках. Всегда существовал риск закончить сей естественный процесс или в качестве чьей-то мишени, или, что было еще неприятнее, в виде чьего-нибудь обеда. Али, конечно, парень непростой, но все же не железный. Будем надеяться, что дождет. А то ищи его потом по миру...

Они продолжали двигаться на север – стены оврага почти сомкнулись впереди, но проход был. Молчун, а за ним Михаил протиснулись в узкую щель между склонами, перелезли через несколько лежавших поперек лога бетонных столбов, частично раскрошившихся от удара о землю, сырости и времени. И зашлепали дальше – уже по колено в ледяной воде.

Сзади затрещали выстрелы – одиночные и очередями, несколько шальных пуль просвистело высоко над головами.

Охотники вышли на исходные позиции, и сейчас очень многое зависело от того, кто и как ими будет руководить. Беглецов и преследователей разделяло не более трехсот метров – ерундовое расстояние для умелого человека. Выручало то, что уж кто-кто, а эти охотнички под пули лезть не будут – не тот кураж и мотивация не та.

Если было правдой то, что рассказывал Оленин, а теперь Михаил имел причины ему безоговорочно поверить, их преследователи – это представители «золотой» молодежи и раскормленных нуворишей поздней формации. Те, кто уже не помнит российские мафиозные войны конца прошлого века, кто до сих пор считает Чечню мятежной провинцией, а Ничью Землю – заповедником для диких хохлов, попавших в экологический переплет. И они платят свои деньги за то, чтобы просто пощекотать нервы, и при этом не остаться лежать в неглубокой могиле, где-нибудь под Запорожем.

В овраг они не полезут, это точно. Если инструктор грамотный, то он разделит их на две группы, каждая из которых пойдет со своей стороны, держа под прицелом нижнюю тропу. Возьмут в клещи, прижмут огнем ко дну, если, конечно, догонят и обнаружат.

Сергеев почувствовал, что боль в паху слабеет, а вот дышать становится все труднее и труднее. Лямки рюкзака резали плечи, во рту было солоно от крови, сочившейся из рассеченной губы. Он посмотрел на спутника.

Молчун весь взмок, на скуле у него красовался синяк размером со сливу, глаза были испуганные, но выражение лица сосредоточенное, злое. Сдаваться он не собирался, бросать Михаила на произвол судьбы тоже.

Бросив взгляд на странный прямоугольный предмет, выросший перед ними, Сергеев едва не расхохотался – посреди зарослей стояла телефонная будка. Без стекол, искореженная и измятая, будто ее пыталась прожевать Годзилла, но с сохранившимся на внутренней стенке телефонным аппаратом, правда без трубки – только оборванный провод торчал наружу. Эмаль, которой была выкрашена внутренняя панель, местами облезла, полопавшись, обнажая ржавое железо и разводы облюбовавшего будку грибка. Но глубоко процарапанную надпись «Люба сука! Мне не дала!» время затереть не сумело.

«Ни театров, ни телевидения. Книжки идут на растопку, – подумал Сергеев, цепляясь за бывший таксофон глазами. – Еще десять лет – и грамотных в Зоне совместного влияния не будет. Что тут читать кроме инструкции к переносной ракетнице? А надпись останется. Будет видна, пока будка не вырастет в землю по крышу. Единственное свидетельство того, что существо, жившие здесь, когда-то умели читать и писать. След культуры».

Еще десять шагов, и памятник давно сгинувшей Любе и ее стойкости остался позади, а еще через пятьдесят шагов овраг кончился, и они с разбегу выскочили прямо в речку. Благо здесь было мелко – река делала поворот, отмель, на которой они стояли, намывало годами. Под противоположным берегом было глубже, хотя он был низким, почти вровень с водой. Сосняк, густо росший на нем, казался непроходимым.

Сергеев оглянулся и узнал место. Правда, с этой точки он видел его впервые, обычно вот эту поваленную молнией сосну он осматривал, находясь выше и левее, вот с того места – с вершины склона над оврагом, там, где над рекой нависала кривая, изогнутая береза. Кто бы мог подумать, что они выйдут сюда так быстро – путь поверху был раза в два длиннее. Если погоня за ними пошла сразу же после посадки вертолетов, то все равно минимум десять минут у них есть. Шлепая застывшими от ледяной воды ногами по мелководью, они выскочили на пологий песчаный берег.

– Туда, – скомандовал Михаил, махнув рукой в сторону сосняка.

Молчун кивнул.

На берегу они подобрали кусок бревна, и Сергеев в спешке примотал к нему оба рюкзака тем самым, хорошо знакомым Молчуну, красным капроновым шнуром. Проплыть с таким грузом на спине даже эти двадцать пять метров нечего было и думать. Поверх рюкзаков он привязал автоматы – свой и Молчуна, завернув их в куртки, и свою кобуру из грубой кожи, с обрезом «тулки» внутри. Потом оба быстро разделись догола, и Сергеев быстро запихнул одежду и обувь в плотный пластиковый мешок, который всегда лежал, на всякий пожарный, во внешнем кармане его «станка».

– С Богом! – сказал он Молчуну.

И они вошли в воду.

Она обжигала, как пламя. Молчун и Сергеев переплыли речку, толкая бревно перед собой, и судорога, к счастью, не схватила никого из них. Берег был покрыт хвоей, но они так закоченели, что уколов игл, вонзавшихся в ступни, не ощущали. Сергеев в очередной раз подумал, что со стороны они выглядят как комические персонажи, Пат и Паташон, например, и от этой мысли ему стало совсем грустно.

Спрятавшись в чаще, Михаил достал из рюкзака пару кусков полотна, служивших полотенцами, а по случаю и перевязочным материалом. Они принялись вытираться с ожесточением, до красноты растирая кожу. Сергеев посмотрел на свою промежность и увидел на внутренней стороне бедра лиловый кровоподтек, накрывший и мошонку. На пару сантиметров левее – и все, отбегался бы наверняка. Болело ребро слева, плечо и губа, распухшая до размеров крупного киви. А так – просто молодец. Почти цел.

Потом, одевшись, с трудом сдерживая стук зубов, они пили вонючий самогон из фляжки, найденной на одном из трупов у бронемашин. И от этого стало немного теплее и, самое главное, ушел страх, гладивший Сергеева по спине когтистой, шершавой лапой.

Они выскочили. В очередной раз выскочили. И тут Михаил вспомнил хруст в рюкзаке и даже не испугался – помертвел. Если лопнул контейнер, хоть он и из сверхпрочной керамики с оболочкой из армированного кевларовой нитью мягкого полимера, но лопнуть все же мог, то они с Молчуном уже покойники, пусть сами они этого еще не почувствовали.

Но контейнер был цел. И его содержимое тоже. Двести граммов чистого бериллиевого порошка. Очень дорогой груз, бизнес с большими перспективами на будущее. Контейнеры с лекарствами, полевые госпитали, дизель-электростанции и еще много чего. Это обещал Али-Баба. Говорил уверенно, но обещать не значит жениться. Это Сергеев знал, даже не из прошлой – из позапрошлой жизни. Твердо знал. Наверняка. По собственному, очень печальному опыту. По наглядным примерам.

Что хрустело – он выяснил сразу. Удар пришелся на термос из нержавеющей стали и смял его, как картонный стаканчик. В одном месте тонкая сталь даже лопнула. То, что после такого удара у Сергеева просто болело ребро, можно было считать чудом – оно должно было просто разлететься на части. А вот с термосом чуда не произошло. Термос было жаль. Такой еще поискать надо. Молчун, любивший хлебнуть в дороге горячего чая или бульона из кубиков и кипятка, с сожалением покачал головой.

– Не бойсь, – сказал Сергеев, улыбаясь. – Другой найдем. Есть, браток, один хороший магазин, с надежно заваленным входом, который я держу на черный день. Там этого добра...

Молчун едва заметно улыбнулся в ответ. Одними кончиками губ, словно мим, только обозначивший, сыгравший эмоцию. Черная бандана, закрывавшая лоб, синяк на скуле и покрасневший от холода и сивухи нос, делали его похожим на заблудившегося в лесу, окоченевшего скаута.

«Ошибочное, между прочим, мнение, – подумал Сергеев, крепя на бедре кобуру с „тулкой“. – Какой он скаут? Он в свои годы – командос. Он знает не то, как костры надо с одной спички разводить, а как танки жечь, да людей, если сильно припрет, тоже. Я ничего о нем не знаю и, скорее всего, ничего и не узнаю никогда. Но какая, в сущности, разница? Он подставил мне плечо сегодня, я закрывал его своим телом сегодня. А завтра? Что будет завтра, если завтра все-таки будет?»

Сергеев пожал плечами. С противоположного берега, приглушенные расстоянием и стволами деревьев, донеслись голоса.

– Ну вот, – сказал Михаил, – вот и гости дорогие пожаловали. К реке они, конечно, спустятся. Там бы их и встретить – радушно и по-свойски. Но мы их трогать не будем, да, Молчун? Нам время терять нельзя. Нам идти надо.

Молчун двинул бровью, показывая, что лучше бы гостей все-таки встретить, пусть поражаются приему, но раз надо идти, то он, в принципе, согласен.

Замурзанная мордаха, спутанные, грязные волосы, торчащие из-под банданы. Его б под душ, под горячий, а не в ледяную реку. Не мужика здоровущего на себе тащить, под пулями да осколками, а в школу, на дискотеку с девчонками. Хотя где теперь те дискотеки? Девчонки-то есть, а вот дискотеки – это теперь из зарубежной жизни. Вывести бы его к цивилизации – в Москву, Львов или, на худой конец, в Донецк. Справить документы – это не проблема при старых контактах и при новых, кстати, тоже. И ведь спрашивал его неоднократно, предлагал, а Молчун только хмурился и мотал головой. Да и сам Михаил понимал, что Маугли в сравнении с Молчуном – просто легкий случай. Что такое человеческий детеныш, воспитанный волчьей стаей, в сравнении с мальчиком, который, родившись в обычной семье, лишился не только родителей, но и мира, в котором начал жить, и попал в мир, где даже волчьи законы были верхом гуманности? В мир, где слабого надо пристрелить? Где убивать – не грешно, а необходимо,

как дышать? Где за проволочными границами, за минными полями и сенсорными датчиками, за хитроумными системами защиты живут миллионы благополучных людей, которые и думать забыли о тех, кто остались бедовать за оградой? Что же необычного было в том, что Молчун не хотел отсюда уходить? Или не представлял, как это сделать?

«Кто бы мог подумать, – Сергеев потер ладонью саднящий бок, – что в какой-то момент у меня не будет никого более близкого, чем этот паренёк?»

Ему хотелось обнять Молчуна, прижать его к себе, сказать ему, что у него никогда не было сына, но он бы так хотел, чтобы его сын был таким же самоотверженным и смелым парнем...

Но в очередной раз застеснялся своих чувств. Прошедшие годы научили его быть сдержанным, хотя Сергеев понимал, что это, скорее, не сдержанность, а наступающая бездуховность. О какой духовности можно говорить в мире вседозволенности? Но ведь Молчун – тоже дитя этого мира.

Он так много хотел бы сказать, а вслух сказал только:

– Спасибо тебе, Молчун.

Мальчишка посмотрел на него, махнул рукой, мол, о чем тут говорить, и на секунду прижался к плечу Сергеева, совершенно по-детски. И тут же выпрямился, словно ничего и не было.

Они встали, поправили амуницию, чтобы не гремела, затянули лямки рюкзаков, попрыгали на месте для проверки и пошли скорым, походным шагом по заросшей жухлой осенней травой тропинке, углубляющейся в сосняк.

Глава 2

– Почему ты никогда не спрашиваешь меня о прошлом? – спросила Вика, потягиваясь.

Она лежала на диване в гостиной, прямо на пледе, которым он был застелен. Как ни странно, она любила лежать на шерстяном покрывале, которое любая женщина посчитала бы колючим.

Плед был настоящим, шотландским, в сложную зелено-красно-черную клетку. И она смотрелась на нем, как рисунок на гобелене: голая, тонкая, очень грациозная, с торчащими грудями, тонкими лодыжками, пышной копной волос и неизменной дымящейся гвоздичной сигаретой, зажатой в изящной руке.

Сергееву иногда казалось, что этот запах гвоздики никогда не выветривается из его квартиры. Наоборот, становится только сильнее после ее ухода. Пряный, сильный, запоминающийся запах. Он даже начал нравиться ему – словно в квартире курили не сигареты, а жгли благовонные палочки. Но эти симпатии зависели от настроения и фазы их взаимоотношений. Когда они ссорились, он ненавидел эту гвоздичную вонь – до тошноты, до аллергии, до слезящихся глаз. Когда же она вот так возлежала на диване или на кровати в спальне, бесстыдная и целомудренная одновременно, как языческая богиня, запах ее индонезийских сигарет казался ему фимиамом.

– О чем прошлом я должен спрашивать?

– Ну о моем, например.

– Не хочу.

Он варил кофе, стоя на кухне, с полотенцем, обмотанным вокруг бедер, и мог видеть ее через отражение в зеркале стенного шкафа.

– Я тебе не интересна?

– Ты? Интересна.

– Я интересна, а то, что меня касается, – нет?

Шипел газ в конфорке. От турки поднимался чудесный аромат свежемолотого кофе – коричневая пенка уже начала расти, готовясь рывком выплеснуться на плиту, и испортить Сергееву удовольствие от приготовления и потребления любимого напитка. Он ненавидел чистить плиту после того, как кофе сбегал, но и терпеть коричневые пятна, похожие на коросту, на белоснежной эмали до прихода домработницы – тоже было выше его сил. Кофе обыкновенно сбегал два раза из пяти, доказывая Михаилу, что жизнь – непрерывная цепочка компромиссов и с этим пора смириться.

Сегодня ему не хотелось ссориться.

– Мне интересно то, что касается нас.

– Я знаю, почему ты никогда не задаешь вопросов. Для того чтобы самому не давать ответов.

Пенка подошла к верху джезвы, и в тот момент, когда Сергеев наконец-то погасил газ, Вика вошла в кухню, не потрудившись набросить на себя хоть что-то.

Без каблуков, босая, она была Михаилу чуть выше плеча. Беспричинно разгневанная. Выплескивающая наружу желание поскандалить. И удивительно красивая.

Сергеев, глядя на нее, удивлялся, как совокупность в общем-то далеких от совершенства черт дает столь впечатляющий результат? Чуть длинноватый нос, выделяющиеся скулы, не самая совершенная по форме грудь, не самые длинные в мире ноги... Список несовершенств можно было бы продолжать, если бы не результат, который, как убедился Сергеев, опустив взгляд на полотенце, которым были обмотаны его бедра, был, что называется, налицо.

– Ты разберись, что для тебя проще – отвечать на вопросы или выслушивать ответы? – сказал он с примиряющей интонацией.

– Лживые ответы?

– Ну, зачем же так?

– Хорошо. Не до конца правдивые?

– Я бы предпочел другую формулировку – не до конца откровенные.

– Послушай, Сергеев, – сказала она, наблюдая, как он разливает по керамическим чашечкам густой, сладкий кофе. – Я всегда думала, что в этой стране могу узнать все и обо всех. Включая детские симпатии, сексуальные пристрастия и гастрономические выверты.

– У меня нет гастрономических вывертов, и ты все знаешь о моих сексуальных пристрастиях.

– А детские симпатии?

– Если сказать честно, то в детском саду мне нравилась девочка по имени Галя. Мы с ней спали.

– Что? – она удивленно подняла брови.

– Наши кровати стояли рядом. И во время дневного сна она трогательно держала меня за руку.

– Очаровательная деталь.

– Но это еще не все.

– Да?

– Да. Еще мне нравился мальчик Сережа...

Она засмеялась своим бархатным смехом, от которого у Михаила по спине бежала теплая волна.

– Ты меня пугаешь!

– С Сережей было интересней играть, но Галя так держала меня за руку во сне, что я просто не мог ей изменить.

– Ты меня разыгрываешь?

– Нет, просто рассказываю о своих детских симпатиях. Ты же просила.

– О детских симпатиях ты готов со мной говорить?

– Да. Пей кофе – остынет.

– А о своем недавнем прошлом?

– Нет.

– Сергеев, – она подошла к нему вплотную, прижалась всем телом и пристально посмотрела ему в глаза снизу вверх.

Она почему-то редко называла его по имени, даже в интимные моменты.

– Я тебе обещаю, что когда-нибудь, рано или поздно, я расскажу тебе твою биографию. От и до. За исключением детского сада. Хочешь ты того или не хочешь – я узнаю о тебе все. Ты мне веришь?

Он поцеловал ее в губы, пахнущие гвоздикой, но она не ответила на ласку, только прищурилась, вглядываясь в его лицо.

– Ты мне веришь? – повторила она настойчиво.

Сергеев не хотел врать. Поэтому всего лишь отрицательно качнул головой.

– Зря, – сказала Вика зло, высвободилась, взяла чашку с кофе и подошла к окну. На фоне светлых занавесок, выбеленных ртутным светом уличного фонаря, она смотрелась как статуэтка – Сергеев невольно залюбовался.

За окном шел дождь. Плотный летний ливень, полоскавший запылившиеся за день киевские мостовые, умывающий каштаны и липы бульваров прохладной чистой водой. Он превращал огни мостов, переброшенных через Днепр, в нерезкие мазки на огромной палитре темной, глубокой и могучей реки.

Грозы не было. Не сверкали молнии. Не гремел гром. В этой стихии, в воде, падающей с небес, не было ровным счетом ничего демонического. Просто шел дождь.

Автомобили прятались во дворах. Опоздавшие занять места на своих стоянках вместе с пешеходами шлепали по теплым лужам. Город не собирался засыпать – он ждал ночной прохлады и свежих запахов зелени из скверов и парков.

– Ты не задумывался, почему мы вместе?

– Потому, что нравимся друг другу.

Она хмыкнула, и даже в движении ее чуть угловатых плеч сквозила ирония.

– Нравимся. Превосходно сказано. Мне, Сергеев, нравились многие. Сегодня – один, завтра – второй. Послезавтра – мог быть и третий.

– Назови другую причину.

– Не назову. Ты ни разу не сказал, что меня любишь. Я ни разу не сказала, что люблю тебя. У нас нет общего прошлого. Я не вижу общего будущего. Знаешь, что нас держит вместе?

– То, что нам хорошо вдвоем.

– О боже, – она резко развернулась к нему лицом, – до чего же вы, мужики, примитивны! Ну, это-то при чем? Почему вы полагаете, что ваш член может быть осью чьего-то мира? Ты же неглупый человек, Сергеев, чтобы всерьез говорить о своей мужской исключительности! То, что у нас с тобой сейчас, – это даже не связь – так, случайные встречи. Я не знаю, что ты там надумал, какую драму, но о себе я знаю точно. Я с тобой только потому, что не могу тебя понять. Я каждый раз даю себе слово, что это будет в последний раз! Я не хочу к тебе привязываться! Я сама по себе! Но потом, потом я вдруг понимаю, что вот уже полгода мы вместе, а я все еще не знаю твою тайну. Все остальное – только приправа. Ты хороший человек, Сергеев. Я так искренне о тебе думаю. Но я не знаю, какой ты в действительности. Я чувствую, что ты способен на очень разные поступки. Я не шучу. Может быть, ты их уже совершал, а может быть, просто готов совершить. И эти разные поступки могут быть такими, что и представить себе трудно. И я ловлю себя на мысли, Сергеев, что из-за этой недосказанности, из-за того, что ты первый из мужиков, которого я не прочла вдоль и поперек после нескольких ночей, мне с тобой интересно. А это плохо, Сергеев, очень плохо! Время, проведенное вместе, – это привязанность. Привычка, мать бы ее так. К теплу чужого тела. К чужому дыханию. К тяжести чужой руки на бедре. А привычка – это зависимость. А я ненавижу зависимость! Настолько сильно ненавижу, что слово «любить», считаю синонимом слова «рабство».

Михаил кожей ощутил, что она говорит правду. Может быть, под влиянием момента, а может быть, расчетливо и осознанно, что было гораздо вероятнее, если учитывать ее характер.

– Это и есть причина, мистер Икс. Твоя тайна. Мне интересно ее разгадать. Настолько интересно, что для этого я готова полюбить тебя. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Нельзя любить человека только за то, что не можешь его понять.

– Да? – сказала она, ухмыльнувшись. – А я-то думала, что человека нельзя любить, если сразу понимаешь его полностью. Такой человек банально не интересен. Если бы ты был раскрытой книгой, пусть даже с темными пятнами в биографии, если бы я не чувствовала в тебе готовность к поступкам – все бы ограничилось тем нашим десертом после хорошего стейка. Один раз, – она подняла указательный палец вверх, словно грозила кому-то. – Не более. Мы бы даже друзьями не остались.

– Значит, мне повезло.

– Значит, тебе повезло. Или не повезло. Это как посмотреть.

– Я не такой меркантильный. И не такой расчетливый. И совсем не такой любопытный.

– Дело в том, что я не могу понять, какой ты.

– А если обычный? – сказал Сергеев, подходя к ней вплотную. – Можешь ты себе представить, что я самый обычный человек? Просто человек, без второго или третьего дна, который влюбился? Не в журналистку, не в местную знаменитость, а в красивую женщину? Шел себе, шел по жизни и вдруг – раз! Так случилось!

Он взял ее за плечи и притянул к себе, не отрывая взгляда от ее лица. Они снова играли в гляделки, как несколько месяцев назад, во время их первой встречи.

– Почему нужна тайна? Почему мы просто не можем любить друг друга? На что надо оглядываться? На биографию? На национальность? На профессию? Мы начались друг для друга в тот день, когда встретились, – не было нас до этого! Ты можешь это понять? Или я говорю о чем-то необычном?

– Нет, – проговорила она, не отводя взгляда.

– Любовь – не всегда борьба и не всегда рабство, – сказал Сергеев тихо, стараясь не вспугнуть то чувство, что возникло между ними в этот момент. Очень хрупкое чувство, хрупкое, как крыло бабочки. И такое же легкое и нежное – тронь неосторожно, и радужная пыльца осыплется, обнажая бесцветный остов. Или же крылья были другие? Перепончатые и черные, похожие на паруса джонки, разворачивающиеся с вкрадчивым кожаным шорохом?

– Мужчина – не всегда враг, не всегда завоеватель или жертва. Иногда он, как ни странно, бывает другом. Даже если у него нет талантов, образования, денег, способностей. Даже если у него нет тайны, которой ты хочешь владеть. Даже если у него ничего нет, кроме любви к тебе. Возможно, ты никогда не встречалась с таким, но у тебя же есть воображение? Ты можешь поверить в это?

– Нет, – повторила она, и взгляд ее на мгновение потеплел. – Но я могу попытаться...

В какой-то момент Михаилу даже показалось, что ее глаза увлажнились, но она уже положила голову ему на грудь, спрятав лицо в тени собственной челки, и он не мог с уверенностью сказать, были ли это слезы. Может быть, ему просто хотелось, что бы это было так.

Некоторое время они так и стояли у стола на кухне, молча, обнявшись.

Сергеев и сейчас не мог сказать определенно – врала ли она в тот вечер или нет? О себе он мог сказать однозначно: на тот момент, в ту минуту он говорил правду. Было ли это действительно большим чувством, хотя бы с одной стороны? Как можно определить это теперь? После всего, что они сказали и сделали друг другу за последний год? Что осталось от любви к ней после того разочарования, что он испытал?

Если быть честным до конца, она предупреждала его.

И тогда, и потом он чувствовал, что их отношения хрупки, как скорлупа воробьиного яйца, но хотел надеяться на лучшее. Он продолжал надеяться на лучшее и тогда, когда столкнулся с ней в подъезде их дома и увидел, что она смотрит на него насмешливым, чужим взглядом. Когда она, стоя на ступеньку выше, приблизила свое лицо к его лицу, упершись лбом в его лоб, и выдохнула жарко, почти касаясь его губ своими губами, тихо, с такой знакомой хрипотцой:

– Вот и все. У тебя больше нет тайн, Сергеев. Эта была последней.

И пошла прочь, вниз по лестнице. Ее каблучки застучали по старым, истертым тысячами ног ступенькам. Застучали звонко, рождая эхо. Так могут звучать каблучки только в старых подъездах. В подъездах, где лестницы бродят по кругу, обнимая гулкую пустоту, которая тянется от кафельных плиток площадки на первом этаже до стропил под коньком крытой кровельным железом крыши.

А в квартире, в их бывшей квартире, в ее любимом кресле, обтянутом толстой кожей цвета какао, сидел и дожидался его прихода давно уже покойный, оплаканный и неоднократно помянутый в застольях добрым словом Мангуст. Сутулый, постаревший, полысевший – этакий дядечка, давно перешагнувший за пятьдесят, но с прежним металлическим блеском во взгляде и, как и раньше, смертельно опасный.

– Умка!

Сергеев вначале даже не отреагировал на мужской голос, раздавшийся за спиной. Голос был моложавый, звонкий. По такому голосу сложно определить возраст говорящего. Бывает, что такой тембр человек сохраняет от семнадцати и до семидесяти лет, и если по каким-то

внутренним причинам голос не бросается догонять хозяина, то, даже не видя человека пару десятков лет, можно узнать его по нескольким фразам, не заглядывая в лицо.

Этот голос, произнесший его интернатскую кличку, которую Михаил успел давно забыть, был ему определенно знаком. Голос из прошлого – далекого прошлого.

– Умка, – повторил за спиной мужчина, – это ты?

А он уже почти представил себе говорившего. Был он небольшого роста, светло-русый, веснушчатый, круглолицый и толстоногий. Волосы на макушке всегда стояли торчком – словно хохолок у волнистого попугайчика. Носом, правда, он на попугайчика похож не был – нос был воронежский, среднерусский – картошечкой. Летом, в пионерлагере, в Евпатории, эта картошечка облезала, веки припухали от солнца и краснели, а веснушки покрывали и лицо, и спину, и грудь сплошным слоем – словно наглые, рыжие лесные муравьи. Звали это четырнадцатилетнее чудо природы Вова Блинов, но так официально его никто не называл. Все воспитанники Московского интерната № 15 (специального интерната, для детей сотрудников МИДа и советских специалистов, находящихся в длительных командировках за рубежом) звали его не иначе как Блинчик.

Последний раз Блинчика Сергеев видел более двадцати лет назад – было это уже после смерти родителей Сергеева. Родители Блинчика успели вернуться из Пакистана, когда советских специалистов-строителей начали находить в колодцах, с перерезанными шеями, а вот чета Сергеевых не успела, и в одном из таких колодцев осталась навсегда.

Михаил помнил день, когда узнал об этом. Тогда в интернат приехал его дед, отец матери, полковник Рысин – седой, сухой старик с вечно недовольным выражением лица, мохнатыми, как у тогдашнего генсека, бровями и гладко выбритым, вздернутым подбородком.

Дед внука Мишу визитами не баловал и с двумя своими дочками особо не родичался. Со своей первой женой, родной бабушкой Сергеева он расстался давным-давно, лет за десять до ее смерти. Вторая его жена – дама без возраста и без других особых примет, кроме острого, как клюв вороны, носа, – была сильно пьющей заведующей общим отделом одного из столичных райкомов КПСС, тоже долго не продержалась. И в настоящий момент был он женат на женщине лет на тридцать его младше – пухлой блондинке, с короткими, похожими на куриные окорочка, ногами и влажным взглядом туповатых блекло-голубых глаз навывкате. Означенная дама никем не работала и, по дедову замыслу, должна была создавать ему семейный уют.

Новая дедова жена его прежнюю семью не жаловала, а дед – Александр Трофимович – делами прежних родственников старался не интересоваться, так как в жизни своей, наверное, никого не любил – по полной своей неспособности к данному процессу. Ни старую жену, ни новую, ни детей своих, ни внуков – единственное существо, к которому он питал трогательную привязанность, был он сам – великолепный и неповторимый. Даже новая, сравнительно молодая жена нужна ему была только для того, чтобы в очередной раз восхититься самим собой, – вот, оказывается, как мы еще можем!

Миша деда не то что не любил – просто не знал. Не выдавалась такая возможность – узнать. Пока родители были то в Индии, то в Пакистане, то в Иордании, то в Египте – дед навещал Сергеева четко по графику: один час, третье воскресенье месяца, с 16 до 17 часов. Раз в три месяца – семейный обед. Второе воскресенье месяца. Три часа с дорогой – с 14 до 17 часов. Прикосновение сухих дедовых губ ко лбу, три десятки, красные купюры с профилем вождя, вложенные дедом в карман внука. Влажные, как плохо прожаренные оладьи, вытянутые в трубочку, губы дедушкиной пассии, после поцелуя которых до смерти хотелось вытереть щеку, но было нельзя. Никак нельзя – дед мог обидеться, а он был единственным связующим звеном между Сергеевым и миром за стенами интерната.

Тетка, сестра матери, живущая в Киеве, была не в счет – хоть и писала она племяннику регулярно, и в гости к ней он ездил не одно лето подряд, и отношения между ними были по-настоящему хорошими – родственными.

Родители отца во Владивостоке тоже во внимание не принимались. Миша и видел их всего раза три-четыре – просто знал, что они есть. А дед, какой он там ни был, находился рядом, в Москве, и хоть и поддерживал связь с внуком по расписанию, но все-таки... Все-таки...

В тот день, неурочный день, Сергеев точно помнил – была среда, середина апреля месяца, дед внезапно появился в интернате – Мишу вызвали к директору прямо с урока химии. В конце урока планировалась самостоятельная, ни Сергеев, ни Блинчик к ней готовы не были. Но Сергеев, который не зря имел прозвище Умка, химию все же знал, и Блинов надеялся на его помощь, как на помощь существа высшего порядка. И когда Сергеева вызвали в директорский кабинет, Блинчик, понимая, что надеждам на благополучный исход урока пришел конец, смотрел ему вслед тоскливо, как брошенный на произвол судьбы щенок.

В кабинете директора Мишу ждало вовсе не спасение от тройки, а бледный, разом постаревший, но не утративший лоска дед, завуч с испуганными выцветшими глазами снулой рыбы, взволнованная классная дама Маргарита Тихоновна, постоянно хлюпающая носом. И страшная весть тоже ждала, притаившись в складках дедова рта.

Сергеев шел к выходу, еще не зная, что уходит не на последние пятнадцать минут урока химии, а навсегда. Что его родителей уже нет в живых, что дед его, действующий полковник ГРУ, уже решил внести коррективы в его дальнейшую судьбу по собственному разумению – да и советоваться, собственно говоря, ему было не с кем и незачем.

Часы бесстрастно отсчитывали последние минуты детской жизни, а Миша думал о том, как ему повезло с самостоятельной, которую теперь не придется писать, как не повезло Блинчику, которому светит четвертная тройка и, как следствие, тройка за год. А родители Блинова, которые в июле приедут в отпуск, таким его успехам точно рады не будут.

И вот, через несколько десятков лет, Сергеев услышал голос за спиной и за те секунды, что понадобились ему для того, чтобы поставить бокал на столик и обернуться, успел вспомнить и тот апрельский день, и затрепанный томик «Страны багровых туч», и холодок майского моря, и даже мелких евпаторийских песчаных крабов, которых Блинчик додумался варить в стакане при помощи кипятильника.

– Привет, Блинчик, – сказал он. – Давно не виделись!

Владимир Анатольевич Блинов выглядел импозантно, но школьному своему прозвищу соответствовал даже более, чем много лет назад. Лицо его с годами сделалось еще более широким и круглым, волосы на голове остались только в «ленинском» варианте, веснушки стали грубее и заметнее. Рост его превышал габариты по ширине едва на треть – круглый, тугой живот выпирал из дорогого однобортного пиджака, лацкан которого был украшен депутатским значком, словно груди из тесного корсета. Импозантность импозантностью, а время явно не добавило Блинчику внешнего шарма, но голос изменить не смогло, и это почему-то было Михаилу очень приятно.

Блинчик улыбнулся безупречной фарфоровой улыбкой, но при этом так искренне и тепло, что Сергеев совершенно непроизвольно широко улыбнулся в ответ.

– Умка! Чертяка! Сколько лет прошло? Господи!

Блинов попытался прижать его к груди, но в результате получилось совершенно наоборот: Блинчик, охватив рослого Сергеева коротенькими ручками, трогательно положил ему голову на грудь, повторив мизансцену возвращения блудного сына, только на колени ему становиться для этого не пришлось.

– Как я рад тебя видеть!

– И я тебя, Володя, – сказал Сергеев, не кривя душой. – Тесен мир, Блинчик, ох, как тесен!

Встретить человека, с которым расстался двадцать лет назад в московском интернате, в холле киевского Дома кино на национальной премьере фильма «Гетьман», приглашение на

которую прислали Криворотову, а пошел, чтобы не обижать пригласивших, его зам – пусть фраза звучит банально, но что тут можно сказать, кроме того, что мир действительно тесен.

– Как ты, Миша? Где?

Главный вопрос был «Откуда», но всему свое время.

– Я в порядке, как видишь. В МЧС, зам Криворотова по общим вопросам. Я почти год в Киеве.

– С ума сойти! – удивился Блинов. – Ты – и чиновник! А до этого? Я тебя искал пару раз, через ребят интернатских. Колюню спрашивал, Тараса и даже Рашида. Ты как сквозь землю провалился! Никто и ничего! Ты, Сергеев, – летучий голландец! Марго сказала, что тебя забрал дед, – и все! Слушай, хрен с ним, с фильмом! Я тебя из рук не выпущу, и не мечтай! Ты один?

Сергеев ждал Вику, которая, против обыкновения, опаздывала – вообще-то она была по-мужски пунктуальна.

– Да нет, я с подругой, – сказал он, – она будет с минуты на минуту.

– Кто у нас подруга? – спросил Блинчик.

– Ты ее, скорее всего, не знаешь, – на всякий случай сказал Сергеев.

– Ой ли? Ох, Умка, я в этом городе, пожалуй, знаю всех симпатичных женщин.

Физиономия у Владимира Анатольевича стала самодовольная. Михаил невольно вспомнил, как краснел юный Блинчик в далеком детстве, когда речь заходила о девочках. Слово «секс» тогда было не в ходу – существовало множество эвфемизмов, которыми они тогда пользовались. И любой из них вызывал у Блинчика исчезновение веснушек на фоне общего изменения цвета кожи. А нынче... Неужели Блинов стал бонвиваном? Верилось, если говорить честно, с трудом, но время меняет людей.

– А я не симпатичная, я красивая, – сказала Вика, выныривая из-за спины Блинова, – или ты, Володенька, в этом сомневаешься?

– Вот это номер! – Блинчик, похоже, действительно удивился. – Вика?! Умка, так это твоя подруга? Офигеть! Какой маленький город – Киев! Все друг друга знают!

– Умка? – сказала Плотникова удивленно. – Это ты, что ли, Умка, Сергеев? Это партийная кличка?

– Это детская кличка, – сказал Блинчик. – Он тебе не говорил?

– Он у меня неразговорчивый. А, собственно, откуда ты, партайгеноссе, знаешь его детскую кличку? Вы что – друзья детства? Вот так сюрприз! Слушай, Сергеев, мне уже начало казаться, что в Киеве тебя никто не знает – ан нет! Нет, я серьезно, Блинов, вы что, учились вместе? Так ты вроде москвичом когда-то был?

– Мы учились вместе, – сказал Сергеев без особого желания. – И не виделись очень много лет.

– У нас даже кровати рядом стояли, – Блинчик с широкой улыбкой приобнял Плотникову за плечи. – Слушай, акула пера, как же это ты еще не разнюхала ничего о наших общих делах? Просто непохоже на тебя!

– Интригуете, мальчики! Чувствую, чувствую запах жареных фактов! О стоящих рядом кроватях прошу поподробнее!

– Слушайте, ребята, – сказал Блинов, – ну, не задалось у нас сегодня с искусством! Поехали куда-нибудь! Выпьем, посидим, повспоминаем. Сергеев, я тебя из клыков не выпущу, сразу говорю – готовься! Мне Ступка все равно по секрету сказал, что фильм – редкое говно!

– Я не против, – согласилась Вика без жеманства, – не каждый день третий номер в списке национал-демократов приглашает выпить и поговорить. Соглашайся, Миша, соглашайся!

– Ты третий номер в НДПУ? – ошеломленно спросил Сергеев Блинчика.

– Точно, – ответила Вика за него.

Сам Блинов с виноватым лицом развел руками.

– Есть такая партия!

– Не просто третий номер в списках – партийный лидер. Теневой, правда, да, Володенька?

– Клевета, – сказал Блинов не краснея. – Журналистские домыслы, грязные слухи. Я – простой партийный функционер, бедный депутат, член фракции.

Любители киноискусства, заполнявшие холл Дома кино, потянулись к входу в зал. У стойки буфета быстро доходили до кондиции несколько хорошо одетых мужчин с печальными лицами. Жены, топтавшиеся рядом с ними, тянули мужей приобщаться к прекрасному.

– Врет, – сказала Вика, обращаясь к Сергееву, – врёт наглым образом. Как ты называл его в детстве, а, Миша?

– Я сам могу сказать, – вмешался Владимир Анатольевич. – Сугубо по фамилии – Блинчик! Я был маленький и толстенький.

Вика посмотрела на Блинова так, что Сергеев, неплохо изучивший ее мимику, мог с точностью сказать, о чем она подумала:

– С тех пор ты не вырос и не похудел!

И, если не кривить душой, это было чистой правдой.

Но вслух Плотникова сказала:

– А теперь, Миша, его называют Советник. А кто поначитанней – Кардинал. А был просто Блинчик. Как растут люди! Превосходно! Я могу об этом написать?

– А вот это мы обсудим в процессе, – заявил Блинчик со смехом. – И решим за рюмкой чая. Миша, ты не против, если место для посиделок выберет Вика? Только одна просьба – без официоза, по-домашнему!

– Поехали к «Тарасу» – сказала Вика, – там столы точно не прослушивают. И обстановка – как в «потемкинской» деревне. Не в казино же в самом деле ехать?! Там не поговоришь.

Сергееву было все равно, куда ехать. Он был рад встрече с Блиновым и несколько удивлен фамиллярной легкости, с которой Плотникова и партайгеноссе НДПУ общались между собой.

За тот год, что Сергеев прожил и проработал в Киеве, он старался быть подальше от политики, зная, что она не только квинтэссенция экономики, но и довольно паршивая и опасная штука. К тому же очень часто приводящая к летальным исходам тех, кто полагает, что в нее можно играть на среднем уровне.

Как всякий живущий в стране, он знал о НДПУ, много раз видел по телевидению лидера партии – господина Титаренко – и даже слышал фамилию Блинова. Но мало ли на Украине Блиновых? Их тут, как в Бразилии Педро, не сосчитать! То, что его соученик и товарищ по детским играм оказался одним из лидеров партии, имевшей в Раде большинство, было не просто удивительно – невероятно, но Сергеев мог, не напрягаясь, вспомнить столько совершенно невероятных вещей, которые становились реальностью в мгновение ока, что еще один свершившийся факт в изумление его не ввергал.

– Годится, – сказал Блинчик. – Миша, ты на машине?

– Да.

– Давай ключи. Охранник поведет, а после ресторации отвезет вас домой. Сядем ко мне. Так удобнее.

Действительно, в блинчиковом лимузине было удобнее.

Охранник рысью побежал к сергеевской «тойоте» и, пока лимузин разворачивался на Саксаганского, успел сесть им на хвост.

Блинчик, предоставив гостям заднее сиденье, демократично уселся рядом с водителем, вызвав предынфарктное состояние у своего начальника охраны. Джип сопровождения возглавил кортеж. На Подол все три машины приехали одновременно. Время в пути было заполнено легким, ничего незначащим трепом, в котором Сергеев принимал чисто номинальное участие: какими-то киевскими анекдотами, упоминаниями общих знакомых, намеками, шутками о политическом бомонде. И Блинов, и Вика чувствовали себя как рыба в воде – одна

терминология, одни приемы, одна среда. Сергеева ни на секунду не оставляла мысль, что Вика «работает» Блинчика. Впрочем, Блинчик в равной степени «работал» Вику. Тут у Михаила глаз был наметан – взаимность у дамы его сердца и друга его детства была полная.

«У Тараса» дама-распорядительница, на лице которой было написано высшее образование и глубокая радость оттого, что столь важная персона посетила их заведение, одетая в псевдонациональный костюм, провела их в один из боковых кабинетов – охрана немедленно заняла середину зала. Грамотно, как заметил Сергеев, заняла. Толково. Зонированно, с перекрытием секторов. И снаружи кто-то остался. Хлеб свой перепуганный начальник безопасности ел не зря.

Слуга часто говорит о хозяине больше, чем сам хозяин скажет о себе. Охрана у Блинчика была не для «понта» – серьезные ребята для решения серьезных проблем. А, значит, и это тоже было очевидно, хозяин предполагал, что проблемы могут и появиться, если уже не появлялись в прошлом. Просто так, без потерь и опасностей, на политический Олимп никто не взбирается – это тебе не по бульвару пройти. И Блинчик, хоть и выглядел милым плюшевым мишкой, уж никак таким мишкой не был. И сколько народа поминало его без особой любви – Сергеев мог только догадываться.

– Значит так, – сказал Блинов, потирая руки, – нам, хозяйюшка, водочки! Да, Миша? И салца нарежьте, с прожилочкой! И огурчиков ваших, бочковых! Вика, мы-то по-мужски, по-простому, а ты что будешь? Может вина?

– Ага, – сказала Плотникова, закуривая свою гвоздичную сигарету, – к салу – и вина! Я уж сегодня с вами тоже по-простому – по водочке.

– Ну, – обрадовался Блинчик, – вот и ладошки! Отлично! Тогда нам всем одинаково! Весь набор, хозяйюшка! Холодец, смалец с чесночком, колбаску домашнюю горячую. Картошечку в мундирах – обязательно!

– Может, водочки – две? – осторожно спросила распорядитель.

Вика хохотнула.

– Ну все! Встреча старых друзей! В живых никто не останется!

– Да нет, девушка, – смутилась распорядитель, – просто под закуску, которую Владимир Анатольевич заказал...

Стол накрыли обильно и быстро. Так же быстро выпили по первой – из запотевших гра-
ненных рюмочек. Водка была холодной, огурчики хрустящими, сало мягким и вкусным.

– Ну, – сказал Блинов, закусывая, – рассказывай, где ты столько лет пропадал?

– Да что рассказывать – Россия – большая страна. Мой дед – военный строитель. Где я только не был...

Он щекой чувствовал на себе взгляд Вики – он просто давил ему на кожу скулы.

И еще он чувствовал, что ни она, ни Блинов не верят ни единому слову. Но говорить хоть что-то надо было. И он знал, что говорить.

Легенды для всех них придумывали не самые глупые люди. Но было одно «но»... В легенду надо было верить. И для каждого случая была своя легенда. А случай сейчас был особый.

Почему ему не верила Вика – он понимал, а вот Блинчик... Блинчик должен был внимать. У него просто не было оснований сомневаться! Дед Сергеева, которого Блинов видел несколько раз, действительно носил в петлицах значки инженерных войск, и если Блинов помнил, а он, в принципе, помнить не мог, не должен был, то...

Но все рассуждения были лишними – Блинчик смотрел на Сергеева хитрыми щелочками глаз, хрустел квашеной капустой, наливал водочку в маленькие стопочки – «гранчаки», при-
чмокивал губами и внутренне хохотал – тут Михаил мог дать голову на отсечение.

В принципе, все это не имело ровным счетом никакого значения. В конце концов, проверить сказанное было очень трудно, но если бы Блинов и задался такой целью, то был бы сильно разочарован.

Фамилия Сергеева действительно числилась в списках личного состава всех тех частей, которые он упоминал. Механизм работал. Страны и Конторы, на которую они трудились, не существовало уже больше шести лет, но то, что было нужно, делалось. Инерция – очень серьезный фактор. Бумаги, личные дела, частные определения, выговоры, приказы – все это дожидалось нужного момента. И в тот момент, когда запрос начинал свой путь по коридорам архивов, можно было сказать точно – на выходе, на стол лягут те самые бумаги, которые были сфальсифицированы добрый десяток лет назад. Как будто бы те, кто тогда стоял у руля, предвидели и путч 91-го, и Беловежские соглашения, и тот развал, который постиг налаженный аппарат, бывший и благословлением, и проклятием исчезнувшей страны.

«Ах, какой контрразведчик из тебя бы получился, дружище, – подумал Михаил, в очередной раз поднимая стопку, чтобы чокнуться с Блинчиком и Викой, – ведь никак ты не можешь знать наверняка, говорю я неправду или нет. Неоткуда тебе знать. Но интуиция подсказывает тебе верно. А интуиция в нашем деле – первая вещь».

И продолжал вдохновенно врать про Алтай, Камчатку и Мангышлак, Кубу и прочие места, где тянулись к небу возведенные не им объекты, но к которым он, по неоспоримым документам, имел непосредственное отношение.

– С ума сойти! – восторженно сказал Блинов. – Вот это да! И как после такого променада тебя потянуло в родные пенаты? И дым отечества нам сладок и приятен? Ну, чего ты, дурилка, не остался там, в далеких странах? С твоей профессией и навыками – какая разница, где и что строить? Ты сколько языков знаешь?

– Четыре, – сказал наконец-то правду Сергеев. – Это свободно. Но дело не в языках. Домой хотелось. Очень.

– Слушай, Володя, – Вика чуть выпила, покраснелась и стала еще привлекательней, – а почему ты называешь его Умкой?

Блинчик хмыкнул.

– Мультик помнишь? Про медвежонка Умку? Тот, который белый медведь?

Плотникова кивнула.

– А твой суженый был у нас умник, и звали его Миша. Прямой ассоциативный ряд.

– У нас тогда в моде было придумывать друг другу клички, – сказал Сергеев.

– Как у бандитов? – спросила она с ехидцей.

– Господь с тобой, Вика! – рассмеялся Блинчик. – Тогда были в моде не бандиты, а революционеры. Это у них были партийные клички.

– А мы еще не понимали, – добавил Михаил, – что, в сущности, это одно и то же.

– Меняются времена – меняются герои, – сказал Блинов, скромно потупив глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.